



# НОВАЯ ПОЛЬША 2/2006

## Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. «КУЛЬТУРА» И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС
3. СТИХОТВОРЕНИЯ
4. ТЕРПИМОСТЬ
5. ХАРАКТЕР ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
6. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

## ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Из обращения президента Александра Квасневского к народу в день инаугурации новоизбранного президента Леха Качинского: «Основные цели моего правления достигнуты. Польская демократия работает. У нас есть конституция. Политический маятник качается то вправо, то влево, но демократия стабильна. Нам ничто не грозит, ибо Польша — член НАТО, а могущественнейшие государства мира гарантируют нашу безопасность. У нас есть все возможности развиваться, так как мы вступили в Евросоюз. Мы добились сильной позиции и уважения в регионе, наладив дружеские отношения с нашими соседями. Мы всегда стремились к примирению и дружбе и потому экспортировали в другие страны стабильность, диалог и концепцию взаимопонимания. Мы укрепили стратегическое партнерство с Америкой и помогли «оранжевой революции» на Украине. Я хочу с радостью и чувством удовлетворения сказать вам: я счастлив и уверен, что это был один из лучших и удачнейших периодов в истории нашего государства. Охватывая мысленным взором эти десять лет и глядя на переломные изменения, на наши польские успехи, я хочу сердечно поблагодарить всех тех, кто трудился на благо отчизны». («Газета wyborcza», 23 дек.)

• Согласно опросу ЦИОМа, в декабре 2005 г. поляки побили все рекорды удовлетворенности жизнью: половина опрошенных (49%) довольна, что им удалось чего-то добиться; 43% утверждают, что в их жизни все складывается хорошо; 38% гордятся своими достижениями. С другой стороны, проявления недовольства достигли минимального уровня. На высоком уровне удерживается лишь раздраженность (49%), хотя и она сильно уменьшилась. В разочарованности и усталости признаются 36% опрошенных, а в возмущении и агрессии — 23%. («Газета wyborcza», 29 дек.)

• «Начиная с 2001 г. место жительства сменили от 4 до 4,5 млн. поляков (...) Жители Восточной Польши и Силезии переезжают в Варшаву, Тригород [т.е. Гдыню, Сопот и Гданьск] и Краков. В свою очередь, оттуда люди бегут в пригороды. Только со времени нашего вступления в ЕС более полумиллиона поляков уехали за границу (...) Уже сейчас 25% тех, кто временно

поменял место жительства, не исключают дальнейших переездов или планируют их». (*Кишиштоф Трембский, «Впрост», 15 янв.*)

• «Злотый не был таким сильным с июня 2002 года. Вчера за евро давали менее 3,8 злотых, а за доллар — менее 3,14. Это прежде всего результат притока иностранного капитала. Инвесторы охотно покупают польские акции и облигации, так как положительно оценивают перспективы нашей экономики». (*«Жечпосполита», 6 янв.*)

• «В 2005 г. Польша экспортировала продуктов питания на общую сумму 6,5 млрд. евро (...) Несмотря на сильный злотый, доходы от продажи наших продуктов питания за границу выросли в прошлом году почти на одну пятую. Больше всего мяса, хлебобулочных и кондитерских изделий мы продали в страны Евросоюза (...) Высокие цены на мировых рынках благоприятствовали экспорту молочных продуктов (...) Увеличился и объем экспорта растительных продуктов». (*Беата Древновская, «Жечпосполита», 6 янв.*)

• «При сравнении 11 первых месяцев прошлого года с аналогичным периодом 2004 го хорошо видно, что общий объем экспорта вырос за это время на 18,7%, а импорта — на 12,2% (...) Больше всего товаров мы по-прежнему продаем в Германию — туда идут 28,2% нашего экспорта (...) Все большее значение приобретают и другие страны, где объем нашего экспорта растет особенно быстро — это, в частности, Россия (рост — 40%, доля экспорта — 4,4%), Чехия (рост — 25%, доля экспорта — 4,5%) и Великобритания (рост — 22%, доля экспорта — 5,6%)». (*«Газета wyborча», 13 янв.*)

• Старейшие существующие по сей день польские предприятия — это, в частности, соляные копи «Величка» (основаны в 1241 г.), пивоваренный завод «Намыслув» (1538), катовицкая угольная шахта «Мурцки» (1657), металлургический комбинат «Малапанев» (Озимек, 1754), Варшавская бумажная фабрика (Константин-Езерна, 1760), Государственный монетный двор (Варшава, 1766), чугунолитейный завод «Стомпоркув» (1785), Цмелювский фарфоровый завод (1790), Завод механических приборов (Поремба, 1798), текстильная фабрика «Бельбав» (Беява, 1805), Национальное издательство им. Оссолинских (Вроцлав, 1817). (*«Политика», 24-31 дек.*)

• «Согласно докладу Европейской комиссии (...) Польша плетется в хвосте ЕС по объему инвестиций в новаторство — мы заняли лишь 21 е место». (*«Газета wyborча», 13 янв.*)

- По словам Даниэля Гроса, эксперта брюссельского Центра исследований европейской политики (CEPS), в 1989 г. Польша была на краю банкротства. Сегодня уровень жизни в Польше только в два раза ниже, чем в Германии — экономическом гиганте Европы. Это результат смелых и последовательных реформ, которые проводили сменявшие друг друга польские правительства, а также интеграции в ЕС, которая вынудила Польшу открыть рынок и принять стабильное, благоприятствующее предпринимательству законодательство. Евросоюз — единственный в мире регион, где выравнивание уровня доходов богатых и бедных стран идет настолько успешно». («Жечпосполита», 14-15 янв.)

- «Программу AMP (Advanced Management Program) будет осуществлять [в Польше] барселонская IESE Business School. Это часть расположенного в Пампелуне Наваррского университета, принадлежащего «Opus Dei» — влиятельной католической организации мирян и духовенства (...) В AMP могут участвовать только лица, занимающие высшие должности в сфере предпринимательства, т.е. те, кто принимает окончательные решения в управлении фирмами». («Жечпосполита», 16 дек.)

- «В Польше уменьшается количество библиотек. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 1995 г. их было 9,5 тысяч, а в 2003 г. — уже на 1,8 тыс. меньше (...) В последние годы поляки жалуются, что им не хватает денег на книги. Книжки читают менее 60% общества, а покупают только 40% (...) В период с 1995 по 2003 г. в публичных библиотеках незначительно увеличилось количество читателей — с 7 до 7,5 миллионов (...) В этот же период сократился книжный фонд — количество экземпляров на душу населения уменьшилось с 22,4 до 19,8». («Газета wyborча», 8 янв.)

- Согласно опросу института ГфК «Полония», если бы выборы состоялись в начале января, «Право и справедливость» (ПиС) получило бы в Сейме большинство — 243 депутатских мандата. «Гражданской платформе» (ГП) досталось бы 170 мандатов, «Самообороне» — 47. («Жечпосполита», 11 янв.)

- «В декабре первое место в рейтинге доверия занял премьер-министр Казимеж Марцинкевич — ему доверяют 63% опрошенных ЦИОМом (...) На втором месте новоизбранный президент Лех Качинский с 61% (...) Следующие места заняли президент Александр Квасневский (58%), лидер ГП Дональд Туск (57%) и председатель ПиС Ярослав Качинский (56%)». («Газета wyborча», 20 дек.)

• «Еще несколько дней назад мало кто верил, что лидеры стран-членов ЕС способны ограничить свои национальные запросы и согласовать бюджет Евросоюза на ближайшие семь лет (...) Однако в субботу в три часа ночи, после 36 часов мучительных попыток договориться, Казимеж Марцинкевич вышел из зала переговоров с улыбкой на лице (...) Нам достанется каждое пятое евро, предназначенное на структурные расходы Брюсселя. В 2007–2013 гг. мы получим 59,65 млрд. евро на развитие бедных регионов. Польша будет главным получателем помощи ЕС. Мы не добились бы этого результата без решительной позиции польского премьера на переговорах (...) После его дебюта в Евросоюзе нам удалось отвоевать почти 60% обещанных нам бюджетных средств, которые председательствующие в ЕС британцы хотели сократить». (*«Жечпосполита»*, 19 дек.)

• Комиссар ЕС по региональной политике Данута Хюбнер: «Это был очень удачный для Польши саммит ЕС. Польша несомненно добилась успеха. Пожалуй, в своей части Европы она вернула себе позицию лидера, который заботится об общих интересах всех стран региона. Ее действия были восприняты очень положительно». (*«Газета wyborcza»*, 19 дек.)

• «Бывшая зам. председателя ГП Зита Гилёвская назначена вице-премьером и министром финансов в правительстве Пис (...) Она известна как решительная сторонница плоского налога (...) Гилёвская сама ушла из ГП, когда вышло на явь, что она устроила свою невестку на работу в собственную депутатскую приемную, а сыну платила за юридические экспертизы». (*«Газета wyborcza»*, 7–8 янв.)

• «Смену [министра] положительно восприняли аналитики финансовых рынков и экономисты. С другой стороны, ее подвергли резкой критике «Лига польских семей» и «Самооборона», которые чувствуют себя обманутыми после введения в правительство столь либерального политика». (*Александра Майда, «Жечпосполита»*, 9 янв.)

• «После назначения Зиты Гилёвской вице-премьером и министром финансов инвесторы буквально бросились скупать нашу валюту, акции и облигации. В течение четырех часов евро подешевело на 4 гроша». (*«Газета wyborcza»*, 10 янв.)

• «Министр [иностраннных дел Стефан] Меллер ведет в США переговоры о помощи Украине, которой грозит газовый шантаж со стороны России. Во время встреч в Госдепартаменте, Белом доме и Конгрессе Меллер больше всего говорил о российско-украинском споре. Польша представила

американцам несколько вариантов действий». («Газета выборча», 21 дек.)

• Президент Александр Квасневский: «Ни в коем случае (...) нельзя допустить ситуацию, в которой мир, Европа закрывали бы глаза на то, что в России совершаются действия, далекие от демократических стандартов. Евросоюз совершает ошибку, не делая ничего, чтобы через Россию повлиять на ситуацию в Белоруссии (...) Украине важна европейская перспектива. Россия сделает еще очень много для того, чтобы сохранить и усилить свое влияние на Украине. Ответом со стороны Европы должно стать предложение [Украине] вступить в НАТО в 2008–2009 гг. и начать серьезные переговоры о вступлении в ЕС». («Жечпосполита», 22 дек.)

• Из обращения к народу президента Леха Качинского после вступления в должность: «Мы хотим, чтобы [Европейский] союз был организацией, способствующей постоянному, тесному и институциональному сотрудничеству европейских государств, основанному на принципе солидарности (...) Стратегический союз с Украиной должен приобрести более конкретные очертания. Укрепление сотрудничества с Литвой и Эстонией (...) — еще одна наша цель. Огромное значение для нас имеет также защита гражданских прав в Белоруссии, особенно защита прав польского меньшинства. Живым содержанием нужно наполнить Вышеградские соглашения, наши отношения с Чешской Республикой, Словацкой Республикой и Венгрией. Многие говорят о том, что неиспользованными остаются возможности сотрудничества со скандинавскими странами, особенно в связи с ситуацией в Балтийском море. Очень важны и наши отношения с Россией, которая на протяжении веков, несмотря на все превратности судьбы, остается нашим великим соседом. Мы смотрим на них прежде всего с исторической перспективы, сохраняя терпение и уверенность в том, что нет объективных причин, по которым они должны быть плохими». («Жечпосполита», 24–26 дек.)

• Министр экономики Петр Возняк: «Вчера утром упало давление в газопроводе, по которому [российский] газ идет через Украину в Польшу (...) Если бы в прошлом политики подписали договоры о поставках сырья из Дании и Норвегии, нынешняя ситуация не внушала бы такого беспокойства». («Жечпосполита», 2 янв.)

• «В газовой войне, объявленной Украине Россией, преследуются прежде всего политические цели: поставить Киев на колени и добиться поражения Виктора Ющенко на мартовских парламентских выборах, чтобы к власти могли

прийти послушные Москве пророссийские политики (...)  
Ситуация ясна и для нас: кто бы ни правил в Польше, он должен добиться ограничения монополистской позиции «Газпрома» на нашем энергетическом рынке. Это так же важно, как вывод из Польши советских войск в начале 90 х (...) Конечно, за все это придется заплатить, но другого выхода нет. Ставка в этой игре — конкретные национальные интересы Польши. Они противоречат интересам Москвы, и с этим ничего не поделаешь». (Славомир Поповский, «Жечпосполита», 2 янв.)

- Как сообщила Канцелярия президента, «созданный Лехом Качинским Совет национальной безопасности на своем первом заседании подчеркнул необходимость немедленно принять решение о строительстве терминала для сжиженного газа, предпринять шаги, направленные на диверсификацию поставок газа в Польшу, и увеличить добычу газа в стране».

- Халина Бортновская: «Надо признать, что никто не может быть исключительно жертвой или исключительно палачом. Люди меняют свои роли. Поляки были жертвами, но нам случалось и причинять зло. Это зло мы передавали дальше по принципу: «Если мне плохо, то я сделаю кому-нибудь еще хуже». Трудно отомстить обидчику, поэтому месть переносится на других, более слабых (...) Но ведь когда-нибудь надо разорвать эту цепь. Именно в этом заключается прощение». («Газета wyborча», 24-26 дек.)

- В праве въезда в Белоруссию отказано советнику премьер-министра по делам поляков за границей Михалу Дворчику. Белорусские пограничники заявили ему, что его присутствие на территории Белоруссии нежелательно. («Жечпосполита», 12 дек.)

- «Продержав сутки в минском аэропорту аккредитованного в Белоруссии корреспондента Польского телевидения Агнешку Ромашевскую, белорусские власти депортировали ее (...) Пограничники аннулировали ее визу, вручили ей решение о депортации и посадили в самолет, следующий в Польшу. В качестве причины депортации на решении было написано: «Другие причины». («Газета wyborча», 15 дек.)

- «Власти Белоруссии обязали двух польских священников Минско-Могилевской архиепархии покинуть страну до конца [декабря] месяца. Между тем президент Александр Лукашенко сказал, что государство продолжает поддерживать белорусскую римско-католическую Церковь. Лукашенко поздравил с Рождеством белорусских католиков в лице митрополита Минско-Могилевского кардинала Казимира Свёнтека. По

словам кардинала, визит президента «свидетельствует о том, что отношения между государством и Церковью развиваются все более успешно». (*«Тыгодник повшехный»*, 8 янв.)

- «Польша создаст независимую радиостанцию, вещающую на Белоруссию, и пошлет правительственных наблюдателей на мартовские президентские выборы — такую помощь белорусской оппозиции обещал премьер-министр Казимеж Марцинкевич, встретившийся в Белостоке с оппозиционным кандидатом в президенты Александром Милинкевичем. «Польша всегда и везде поддерживала демократические перемены. Тем более она должна сделать это для своего ближайшего соседа», — сказал Марцинкевич». (*«Газета wyborча»*, 6–7 янв.)

- «Общество «Казахская община в Польше» и «Жечпосполита» возмутились тем, что маршал Сената Богдан Борусевич был гостем на инаугурации президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, которого никак нельзя назвать демократическим лидером. Но разве для политика, считающего себя демократом, визит в страну, управляемую сатрапом, встреча с ним и совместная фотография равнозначны измене самому себе, высоким идеалам и безупречной биографии? (...) Одно дело — вручать ордена, называть диктаторов демократами или сознательно закрывать глаза на их неблагоприятные поступки, а совсем другое — наносить плановые дипломатические визиты в их столицы». (*Войцех Ягельский*, *«Газета wyborча»*, 13 янв.)

- «Свобода и право на самоопределение литовцев всегда были для польской демократической оппозиции незыблемым каноном», — сказал Адам Михник в посольстве Литвы в Варшаве, где литовский министр иностранных дел вручил ему, Богдану Борусевичу и еще полтора десяткам политиков и журналистов награды за заслуги в деле обретения Литвой независимости (...) Награждены были также представители органов местного самоуправления и полицейские, которые в 1991 г. поддержали литовцев, создававших в Польше эмигрантское правительство на случай интервенции Москвы». (*«Газета wyborча»*, 13 янв.)

- «Награды были вручены, в частности, Яну Вальчику с дочерьми Анной и Лилианной — владельцам гостиницы «Заязд Наполеонский» («Наполеоновский постоялый двор») на ул. Пловецкой [в Варшаве]. В январе 1991 г. старинное здание из камерной гостиницы превратилось в штаб литовских оппозиционеров, которые, прорвавшись через зеленую границу, планировали создать в Польше эмигрантское правительство (...) Свежая информация из Вильнюса поступала



бесперебойно благодаря специальной телефонной линии, соединявшей «Заязд Наполеонский» с литовским парламентом. Связь поддерживалась непрерывно в течение двух недель, что было большой заслугой работников Польской телекоммуникации (...) Продавцы в магазинах давали литовским беженцам одежду. Люди бросали деньги в ящички для пожертвований (...) Были задействованы и полицейские. Например, они охраняли деятеля литовской Полонии Чеслава Окинчица (ныне советника президента Валдаса Адамкуса), которому удалось бежать в Польшу (...) Анджей Ожеховский, в то время начальник местного отделения полиции, (...) приказал своим людям (...) охранять «Заязд Наполеонский». (Анна Кренжлевич, «Газета wyborcza», 14–15 янв.)

- «С января в рамках задач НАТО польские летчики будут патрулировать небо над Литвой, Латвией и Эстонией. С аэродрома в Минске-Мазовецком в Литву вылетели 68 военных, техников, механиков, метеорологов и связистов. К ним присоединились шесть пилотов и четыре истребителя МиГ-29. Пилоты будут реагировать на нарушение границы посторонними самолетами (...) Миссия продлится три месяца». («Жечпосполита», 28 дек.)

- «Польский воинский контингент останется в Ираке до конца 2006 года — об этом заявил премьер-министр Казимеж Марцинкевич, а президент Лех Качинский утвердил его решение. Численность контингента уменьшится с 1400 до 900 человек. Изменится и характер миссии: он будет консультативным и учебным». («Тыгодник повшехный», 8 янв.)

- Проф. Бронислав Геремек, евродепутат, бывший министр иностранных дел: «Я бы хотел особо подчеркнуть, что после 1989 г. [сменявшиеся польские] правительства вели внешнюю политику в той форме, за которую боролась «Солидарность» (...) Наша внешняя политика, соединяющая лозунги свободы и независимости с выбором фундаментальной международной ориентации, осуществлялась и будет осуществляться впредь. Весь политический лагерь, уходящий корнями в «Солидарность», должен воспринимать такое положение дел с удовлетворением и гордостью». («Газета wyborcza», 13 янв.)

- «Как сообщила газета «Джерузалем пост», американские евреи и еврейская община Кракова передадут полякам дом Иоанна Павла II. Небольшой дом, где родился и вырос Кароль Войтыла, принадлежал семейству Баламутов. Во время войны вся семья стала жертвой Катастрофы. Спасся только Хаим Баламут, который некоторое время назад хотел продать дом за миллион долларов. В конечном итоге здание купит еврейская

община Кракова, а затем передаст полякам в знак благодарности за позицию Иоанна Павла II по отношению к евреям». («Тыгодник повшехный», 25 дек.)

- Александр Квасневский дал показания в ходе беатификационного процесса Иоанна Павла II (...) Встреча с представителями Церкви прошла в президентском дворце. Вопросы задавал епископ Тадеуш Перонек, председатель краковского беатификационного трибунала (вспомогательного по отношению к трибуналу в Риме) (...) Вопросов было по крайней мере несколько десятков». («Жечпосполита», 21 дек.)

- «Збигнев Соботка не сядет на 3,5 года за стараховицкую утечку информации (...) Бывший замминистра [внутренних дел] оказался в числе 13 мелких преступников, помилованных [президентом Александром] Квасневским за неделю до конца его полномочий. Среди помилованных нет [бывших депутатов] Генрика Длугоша и Анджея Ягелло, тоже получивших приговоры по стараховицкому делу, а также Рышарда Калиша, бывшего президентского юрисконсульта. Президент смягчил Соботке наказание до одного года условно с двухлетним испытательным сроком, но оставил в силе запрет занимать публичные должности на протяжении пяти лет (...) По мнению [министра юстиции Збигнева] Жёбро, «стараховицкая афера» — символ коррупции власти и предательства замминистра по отношению к полицейским». («Жечпосполита», 17–18 дек.)

- «В студии радио «Мария» премьер-министр Казимеж Марцинкевич обещал проверить, чем руководствовался президент Квасневский, когда подписывал акт о помиловании Збигнева Соботки. Это уже второй визит главы правительства в торунскую штаб-квартиру телевидения «Трвам» и радио «Мария» (...) Ранее (...) в одной из передач выступил министр-координатор спецслужб Збигнев Вассерман». («Газета wyborча», 19 дек.)

- «После почти пяти месяцев следствия по делу об избиении детей работников российского посольства в Варшаве и краже их мобильных телефонов задержан 21 летний житель варшавского района Стегны Филип П. Согласно показаниям свидетелей, он был одним из мужчин, совершивших нападение (...) В августе за решеткой оказались трое других мужчин. Однако им было предъявлено лишь обвинение в скупке краденого: у них нашли телефоны, украденные у россиян (...) Полиция вышла на след еще одного преступника». («Жечпосполита», 21 дек.)

- «После публикации в «Жечпосполитой» премьер отправил в отставку министра государственной казны Анджея Микоша (...)

Во вчерашней статье «Заем семейства Микошей» мы рассказали о связях Анджея Микоша с Витольдом В., обвиненным в биржевых махинациях. В декабре 2002 г. Микош от имени своей жены заключил с Витольдом В., который действовал от имени своей матери, договор о займе на сумму, равную 370 тыс. долларов наличными». («Жечпосполита», 4 янв.)

• «По распоряжению главного комиссара полиции, его подчиненные могут силой задерживать парламентариев, подозреваемых в вождении в нетрезвом виде и отказывающихся пройти тест на трезвость. Первой жертвой новых правил стал депутат «Самообороны» Януш Вуйчик». («Тыгодник повшехный», 15 янв.)

• Марек Мигальский, политолог из Силезского университета: «Предвыборные обещания «Права и справедливости» можно вкратце изложить так: «Может, мы и не станем богаче и нам не будет житья удобнее, но зато жизнь наверняка станет честнее и чище». Таким образом, решающими факторами [успеха или поражения ПиС] будут качество кадров и народное доверие, а не уровень безработицы или экономический рост». («Ньюсуик-Польша», 8 янв.)

• «ПиС и правительство Казимежа Марцинкевича — это новый медийный и рекламный уровень (...) Политики ПиС ценят радио «Мария» и ТВ «Трвам» не столько из-за личности о. Тадеуша Рыдзыка, сколько из-за публицистических форм, практикуемых этими СМИ. Только там политики могут два-три часа подряд говорить все что угодно, не подвергаясь нападкам журналистов (...) и обращаясь к доброжелательной, политически однородной аудитории — своей целевой группе (...) Членов правительства мило представляют, ведущий перечисляет все их достижения и называет количество детей. Никакой другой телеканал или радиостанция не могут и не хотят предложить политикам такие условия (...) В эфире радио «Мария» при открытом занавесе создается новый улучшенный мир спокойных и деловых людей (...) В таких взаимоотношениях с избирателями преобладает искренность, ибо политики ПиС знают, что имеют дело с себе подобными (...) Они дают этим людям ощущение совместного участия в преображении страны. Пожалуй, такого единства партии и избирателей еще не было». (Мариуш Яницкий, «Политика», 7 янв.)

• Епископ Петр Либер, генеральный секретарь Епископской конференции Польши: «Радио «Мария» вызывает беспокойство польских епископов». («Жечпосполита», 20 дек.)

• Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Если радио «Мария» хочет быть католическим, оно должно укреплять единство Церкви. Между тем его деятельность ведет к расколу». («Газета wyborча», 23 дек.)

• «Официальный представитель Ватикана в Польше апостольский нунций архиепископ Юзеф Ковальчик выступил вчера с резким заявлением (...) Архиепископ Ковальчик пишет, что деятельность духовных лиц — в общественной сфере, в фондах или в фирмах, — «каким-либо образом связанная с авторитетом Церкви, должна осуществляться с письменного разрешения соответствующего ординария, а в случае организаций общепольского масштаба — с разрешения Епископской конференции Польши». Такое разрешение необходимо и для «одобрения», пусть даже молчаливого, этой деятельности предстоятелями Церкви (...) «Эти предписания прямо обращают наше внимание на вопросы типа радио «Мария»», — комментировал заявление нунция епископ Тадеуш Перонек». («Газета wyborча», 10 янв.)

• «Несколько лет назад о. Алоизий Венцепель из Устрони (...) настоятель прихода Доброго Пастыря (...) основал приют для бездомных, жильцы которого не только получают кров и пищу, но и обучаются какой-нибудь профессии. Рядом с приютом действует нечто вроде бюро по трудоустройству (...) Сегодня владельцы местных предприятий предпочитают искать специалистов в его бюро, а не в обычных: имя священника — гарантия качества и честности (...) В приходском бюро по трудоустройству никто не ведет статистику, однако известно, что благодаря отцу настоятелю работу в округе нашли уже больше ста человек». («Ньюсуик-Польша», 18 дек.)

• «На второй день Рождества [26 декабря] исполнилось 70 лет выдающемуся польскому прозаику Казимежу Орлосю (...) В годы ПНР он брался за самые трудные, запретные темы — например, написал книгу о катынском преступлении (...) Однако рассматривать его творчество в политических категориях было бы большим упрощением. Его книги — это протест против деградации мира (...) Орлось — с виду бесстрастно — показывает людей, которые утратили все тормоза и разрушают всех и вся, в т.ч. и самих себя. Особенно болезненно автор переживает зло, причиненное детям, инвалидам и животным. Это единственный польский писатель высокого класса, который по-настоящему страстно защищает природу, бьет тревогу, показывая ее истребление и надвигающуюся опасность». (Кшиштоф Маслонь, «Жечпосполита», 24–26 дек.)

• «По мнению журнала «Лóвца польский» («Польский охотник»), в ворон, сорок и грачей нужно стрелять, ибо так уже долгие годы поступают в Дании. Жаль, что в качестве примера приводится страна, где большинство распространенных у нас птиц давно принадлежит к числу редких (...) По данным Всепольского общества охраны птиц, которое уже долгие годы ведет «Мониторинг распространенных гнездовых птиц», в Польше живут 10–20 тыс. пар воронов, 50–150 тыс. пар серых ворон, 200–500 тыс. пар сорок и 300–600 тыс. пар куропаток (...) Откуда же у охотников эта бессмысленная ненависть ко всем, кто каркает или у кого есть когти и кривой клюв? Все дело в том, что зайцев и куропаток действительно все меньше, и нужно найти виноватого. А черные птицы идеально для этого подходят, и в них несомненно легко попасть». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 10 янв.)

• «Ежегодно польские охотничьи заказники посещают 11 тыс. иностранных охотников (...) За них борются 200 фирм, организующих охоту (...) Директор «Ловэкса», принявший в этом году 2 тыс. заграничных гостей, оценивает свой оборот в 2 млн. евро (...) В сезон 2004–2005 гг. только на территории «Ловэкса» было застрелено 30 ланей, 291 олень, 670 кабанов, 2795 косуль, 2,5 тыс. куропаток и 1,2 тыс. фазанов. Лис никто не считал — их можно убивать даром, так как они «водятся в избытке»». («Жечпосполита», 31 дек. — 1 янв.)

• Станислав Лем: «В журнале «Нэйшнл джеогрэфик» я нашел статистическую таблицу, показывающую, сколько миллионов человек было убито в минувшие десятилетия. Это невообразимые цифры — никогда раньше люди не убили столько других людей. Как-то раз я сказал одной журналистке из Берлина, что мы — раса хищников. Потом я раздумывал, не преувеличение ли это. Сегодня я уверен, что нет! (...) Я бы очень хотел возвестить: есть какая-то надежда (...) Однако мне ничего не приходит в голову». («Тыгодник повшехный», 8 янв.)

# «КУЛЬТУРА» И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

## 1.

Вероятно, по-своему парадоксален тот факт, что один из самых оригинальных и ценимых Ежи Гедройцем публицистов «Культуры» в последние годы не раз выражал сожаление о том, что Львов перестал быть польским городом. Это тем более любопытно, что автор, относящийся к Гедройцу с нескрываемым восхищением и считающий его одним из редких образцов для подражания, обладает у польской общественности нерушимым авторитетом. Речь идет о Станиславе Леме (печатавшемся в «Культуре» под псевдонимом «Г и Знатор»), чей «Высокий Замок» как будто развивает элегическое стихотворение Збигнева Херберта, где говорится:

Этот город —

Нету города

Ушел под землю

Чуть еще светится

Как пень трухлявый

Пустое место

Но все еще воздух над ним дрожит

От тех голосов

*(Здесь и далее фрагменты стихов в  
пер. Н.Горбаневской)*

И, может, действительно жалко, что в польской литературе Львов не дождался, как Гданьск, своего Грасса. Свое огорчение, говоря о Херберте, выразил Андрей Павлишин: «В его творчестве (...) ощущается метафизическая боль; на мой взгляд, без Львова невозможно было написать все, что он написал. Я ощущаю его боль, когда он пишет о страхах господина Когито, который не хочет возвращаться в родной

город, потому что не застанет там никого — только тень и пепелище, — но думаю, что в известной степени это преувеличение, как преувеличено и мнение Станислава Лема, который так ни разу и не захотел вернуться во Львов». «Не хотел вернуться» во Львов и Ежи Гедройц, что, как известно, обошлось «Культуре» потерей немалого числа подписчиков. В ноябре 1952 г. на страницах журнала было напечатано письмо свящ. Юзефа З. Маевского — а известно, что редактор «Культуры» рассматривал отдел писем в редакцию как своего рода «свободную трибуну» (причем случалось, что он и сам инспирировал некоторые письма), — где вопрос «утраченных земель» был поставлен с необычайной решимостью, притом в противостоянии тогдашним настроениям не только эмиграции, но и немалой части общественности в стране. Маевский писал: «...как мы, поляки, имеем право на Вроцлав, Щецин и Гданьск, так и литовцы справедливо требуют Вильнюса, а украинцы — Львова. (...) Пусть литовцы, которые испытывают судьбу похуже нашей, радуются своему Вильнюсу, а во Львове пусть развеивается желто-голубой флаг». О важном значении этого документа свидетельствует то, что среди некоторых других материалов он включен в приложения к «Автобиографии в четыре руки» Ежи Гедройца.

Наверняка ближе к тогдашним настроениям была Беата Обертынская, писавшая в стихотворении «Англия»:

Ваша Англия — ваша, и безопасна,  
на холмы опираясь, на лесистые пасма.  
Травяниста, и птичья, и снегом белёна,  
не расколота надвое линией Керзона.

Линия Керзона была — и не только для эмигрантских кругов — символом утраты тем более болезненным, что на родине не могло быть и речи о возможности выразить несогласие с существующим положением дел. Однако в эмиграции у этого вопроса был особый аспект, и официальная позиция лондонского правительства в изгнании состояла, с одной стороны, в признании территорий на западе и севере страны, полученных после Ялтинской конференции, а с другой — в требовании вернуть восточные окраины Польши, включенные в территорию СССР. Эту позицию прежде всего выражал выходивший в Лондоне в 1946–1960 гг. еженедельник «Львов и Вильно» под редакцией Станислава Цата-Мацкевича. Как пишет историк и библиограф польского книжно-журнального дела в эмиграции Ян Ковалик: «Еженедельник «Львов и

Вильно» — довольно одинокий пример эмигрантского регионалистского журнала, обладающего как литературным уровнем, так и политическим динамизмом. Он начал выходить в ноябре 1946 г., объявив себя изданием «независимым, готовым принять на своих страницах всех, кто ищет путей обретения свободы Вильна и свободы Львова, без различия партийных, общественных взглядов и взглядов на политическое будущее Польши». Несмотря на многократные злоупотребления журналом как личной политической трибуной реактора С.Цата-Мацкевича, заслугой «Львова и Вильна» было пробуждение бдительности эмиграции в вопросе восточной границы». И, не скрывая сарказма, Ковалик добавляет: «Журнал перестал выходить осенью 1950 г., за шесть лет до возвращения Цата-Мацкевича в «Польшу без Львова и Вильна»».

Подобные начинания, разумеется, не облегчали отношений с литовцами и украинцами, поэтому неудивительно раздражение Ежи Гедройца, писавшего Юзефу Лободовскому: «Уже Андерс, когда был в Штатах, навредил достаточно. Знаете ли Вы (...) что, когда Андерс был в Нью-Йорке, должен был состояться украинский митинг, чтобы его приветствовать. Он не нашел ничего более срочного, чем произнести перед этим речь о Львове, и понятно, что украинцы пришли в бешенство. Порой прямо руки опускаются». Раздражение Гедройца не удивляет, если отдать себе отчет в том, какое значение он придавал польско-украинскому сотрудничеству. Однако в этом контексте стоит вспомнить интересную гипотезу Януша Корека (в статье «Парадоксы парижской «Культуры»»), который в жесте постулируемого «отречения» Польши от прав на Вильно и Львов видит не столько стремление удовлетворить территориальные амбиции соседей Польши, сколько инструмент, позволяющий осуществить картину объединения Центральной и Восточной Европы, где Польше предстояло бы играть главную роль. Комментируя проект создания в эмиграции Центрально-Восточной бригады, Корек пишет: «Зато сам вопрос о границах был куда сложнее. «Отречение» могло помочь улучшению отношений между заинтересованными народами (и их эмигрантскими представительствами). Ибо споры о Вильне и Львове мешали заключить соглашение (...). Таким образом, сиюминутной причиной «отречения» было желание создать воинскую часть, которая совместно с англосаксонскими силами могла бы принять участие в грозившей тогда войне с СССР. Эти практические причины «отречения» не принимаются во внимание в литературе предмета, которая сосредотачивается на нравственной стороне вопроса».



Это тем более интересно, что федералистские концепции не были тогда в эмигрантских кругах чем-то изолированным и замысел Гедройца вписывался в более широкую тенденцию. Эти концепции появляются во внутренних документах лондонского правительства. Но в то же время, как пишет Павел Махцевич в книге «Эмиграция в международной политике», «независимо от инициатив правительства или отдельных политических группировок, концепции федерации развивались и пропагандировались Федеральными клубами, куда, кроме поляков, входило немало видных политиков и представителей культуры стран Центральной и Восточной Европы. (...) Федералисты выпустили ряд документов, из которых возникает образ сообщества Междуморья (Intermarium), включающего 16 государств региона: Албанию, Белоруссию, Болгарию, Венгрию, Грецию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Сербию, Словакию, Словению, Украину, Хорватию, Чехию и Эстонию». Причем идея создания воинской части, которая не только помогала бы силам Запада, но одновременно была бы доводом суверенности планируемой федералистской деятельности, в мысли Гедройца не была чем-то новым. Подобными инициативами были попытки сформировать десант, который пришел бы на помощь Варшавскому восстанию, а также найти поддержку у американцев во время корейской войны, когда он убеждал генерала Андерса, что тот «должен выпустить призыв к американской Полонии, чтобы ее члены вступали в армию (...) что такой призыв произведет хорошее впечатление на американскую общественность». В этом контексте не удивляет и публикация в «Культуре» (1953, №5) письма в редакцию П.Гинвитта, посвященного будущей федерации государств Центральной Европы. Много лет спустя продолжением той же позиции стало подписание в 1977 г. Гедройцем и рядом других польских политэмигрантов «Заявления по украинскому вопросу» вместе с русскими, чехами, венграми.

К тому времени это «отречение» в самой Польше было довольно широко принято, о чем свидетельствуют как публикации на страницах первых номеров выходившего с 1976 г. в самиздате люблинского журнала «Спотканя» («Встречи»), так и обширный очерк Войцеха Рошковского «Восточные границы Польши», опубликованный в конце 70-х отдельной брошюрой в самиздатской серии «Польского соглашения за независимость» (ПСН). Подводя итоги, автор писал: «Если бы сегодня кто-нибудь захотел предложить справедливое решение вопроса об этих землях, то прежде всего он должен требовать демократизации жизни в Литве, Белоруссии и на Украине и свободы их народам. Создание на этих землях

демократического строя позволило бы живущим там полякам обрести гражданские свободы при сохранении национального облика, а Польше — развивать традиционные культурные связи с былыми восточными территориями Речи Посполитой». Столь же важно — и, несомненно, хотя бы отчасти вдохновлено «Культурой» — заявление ПСН «Польша—Украина» (1981), где говорится: «Изменение политического сознания и психологии обоих народов — в настоящем положении одна из самых важных и срочных польско-украинских проблем, нуждающихся в решении».

## 2.

Однако независимо от вопроса политической природы, идея — или даже образ — Междуморья наверняка была одной из важных точек отсчета и даже своеобразным историческим фоном мысли Гедройца, что особенно наглядно проявилось в отношениях редактора «Культуры» с Ежи Стемповским и Станиславом Винценцем, а также до некоторой степени — с Мельхиором Ваньковичем и Юзефом Мацкевичем. Верно подчеркивает Анджей Ковальчик, что «Культура» выросла из традиций «восточников». Более того, в своей книге о Ежи Стемповском он пишет: ««Культура» под редакцией Ежи Гедройца (несомненного «восточника») стремилась обновить образ мыслей поляков о Востоке, прежде всего заставляя их осознать, что они сами — часть этого Востока и потому несут ответственность за его политическое и культурное будущее». При этом понятно, что главным партнером Польши в осуществлении этой программы стала Украина, а следовательно, польско-украинская проблематика приобретала на страницах журнала и в деятельности «Института литеацкого» [«Литературного института», издательства «Культуры», по сей день продолжающего свою деятельность после кончины редактора и журнала] привилегированное место. Притом эта нацеленность на будущее означала стремление к переистолкованию прошлого, прежде всего к пересмотру идиллической картины, царившей в мифе восточных окраин.

Несомненно первым текстом, который сделал польско-украинские отношения предметом бурной дискуссии, была опубликованная в 1952 г. статья поэта и переводчика Юзефа Лободовского «Против призраков прошлого» («Культура», 1952, №2). Стоит, однако, подчеркнуть, что с самого начала существования журнала в нем появлялись тексты украинской литературы в переводах Лободовского или его статьи об этой литературе — до 1996 г. их было напечатано в общей сложности

130, причем подавляющее большинство приходится на первый период издания «Культуры», до 1973 года. Со временем по разным причинам — из-за отсутствия притока текстов с самой Украины, а также из-за того, что эмиграция была «выработана» почти до конца, — центр тяжести был перенесен на политические вопросы, особенно после 1989 года. Независимо от этого, следует подчеркнуть огромное значение издания «Институтом литерацким» гигантской антологии украинской литературы на языке оригинала «Расстрелянное возрождение» (см. в «НП», 2005, №9 рецензию на сборник переписки Ежи Гедройца с украинской эмиграцией). Как пишет Богумила Бердыховская:

«В письме к Стемповскому Гедройц не скрывал удовлетворения: «Посылаю проспект украинской антологии, которой я несколько горжусь, тем более что делал ее вопреки всем». Оборот «вопреки всем» не был в этом случае риторическим. Соображений, которые стояли за изданием антологии, не понимали даже близкие сотрудники редакции «Культуры»».

Сам Гедройц с самого начала считал проект антологии необычайно важным. В переписке со Стемповским он подчеркивал: «...хочу издать *по-украински* украинскую литературную антологию периода «национал-коммунизма» на Украине (...) такого рода антология, стоит ей попасть в Польшу, уже сама всяческими каналами дойдет на Украину. Не хочу переоценивать свою затею, но мне она кажется весьма нужной». Стемповский же, как и часть круга «Культуры», склонявший редактора к умеренности и опасавшийся того, что выйдет, если «дразнить Советы», сам не был до конца уверен в правильности принятого Гедройцем решения: «Я вовсе не уверен, должна ли антология содержать какое-то вступление с польской стороны и что подумают украинские читатели о появлении такого издания под польским флагом?» Притом опасения автора «Эссе для Кассандры» не были лишены оснований, прежде всего если говорить о реакции украинских кругов. Например, Бердыховская пишет: «И в наше время антология на Украине переиздается. Причем если переиздание издательства «Смолоскип» (Киев, 2002) содержит информацию о первом издании (...) то переиздание 2001 г., вышедшее в издательском центре «Просвита», не содержит никакого указания на первого издателя и место издания (...) а сама антология в такой форме включает рекомендацию министерства просвещения и науки Украины».

Тем не менее несомненный успех, которым стало издание антологии, вдохновил Гедройца на новые планы. В 1960 г. он писал Юрию Лавриненко: «Не помню уж, писал ли я Вам, что мы готовим белорусскую антологию. В ней будет страниц триста, она будет двуязычная. Очень трудно, однако, с материалами. Рассчитываю, что она выйдет поздней осенью». Как известно, этот проект не был осуществлен, однако он свидетельствует о том, что в картине сотрудничества с соседними странами литература играла необычайно важную роль. Была в планах Гедройца и литовская антология. Таким образом, нет сомнения, что «украинский вопрос» в деятельности «Культуры» не был чем-то изолированным — он вписывался в проект, очерченный в известной статье Юлиуша Меровского «Русский «польский комплекс» и УЛБ» (1974), где говорилось: «В Восточной Европе — если на этих землях когда-нибудь установится не только мир, но и свобода — нет места никакому империализму, ни русскому, ни польскому. Мы не можем орать, что русские должны отдать Киев Украине, и одновременно провозглашать, что Львов должен быть возвращен Польше». И далее: «Если для упрощения территорию, охватывающую Украину, Литву и Белоруссию, мы обозначим сокращением УЛБ, то следует констатировать, что в прошлом — а в какой-то степени и сегодня — территория УЛБ была чем-то большим, нежели «яблоком раздора» между Польшей и Россией. Территория УЛБ определяла форму польско-русских отношений, осуждая нас либо на империализм, либо на вассальство». Одна только — и это тезис как самого Меровского, так и Гедройца — деятельность в пользу построения суверенности территорий УЛБ, то есть стремление к независимости государств этого региона, может привести к ликвидации этой дилеммы. Потому-то Гедройц придавал такое большое значение начинаниям, на вид крайне далеким от политики, таким как публикация свободной литературы этих народов, а следовательно — и тут ясно видно, что литература оставалась для него одним из самых важных, по крайней мере в рамках его собственной активности, инструментов укрепления национального самосознания, — задача побуждать или будить чаяния независимости. Не случайно Гедройц напоминал Чеславу Милошу об обязанностях, лежащих на него во время поездки в ПНР после получения Нобелевской премии: «Свое пребывание в Люблинском католическом университете я закончил бы призывом к тому, чтобы в ЛКУ были созданы кафедры литовской и белоруской филологии, и ты мог бы учредить там две стипендии для литовца и белоруса. У тебя вроде бы злотых в достатке».

Но эта же деятельность — кроме шагов, связанных с текущей обстановкой, — означала и необходимость переистолкования истории существовавших отношений с соседями, прежде же всего — отказ от имперских грез, неизменно входивших в польский политический склад ума, особенно по отношению к Востоку. Гедройц одним из первых после войны понял то, что на протяжении следующих десятилетий были вынуждены понять политики бывших колониальных держав: что только отказ от имперских амбиций может составлять основу мышления о будущей мощи государства. Эта мощь Польши в центрально- и восточноевропейском регионе в такой концепции невозможна без построения партнерских отношений с соседними странами, а это означало отвергнуть патерналистское отношение к ним. Только так — на это указывает прежде всего публицистика Меровского — становится возможным нейтрализовать имперские устремления России, опасные как для суверенности Украины, Литвы и Белоруссии, так и для независимости Польши. Этот вопрос, впрочем, продолжает оставаться актуальным, что подтверждают слова еще одного автора из круга «Культуры» — Ежи Помяновского, который уже в настоящее время (в одной из своих статей, составивших сборник «К востоку от Запада») предостерегает перед возможностью воссоздания российской империи: «Возможность помешать этой попятной эволюции в значительной мере зависит от Польши. Вместо того чтобы защищаться от последствий имперской болезни (...) стоит прибегнуть к профилактике. Помогать движению вспять вернее всего можно путем укрепления независимости Украины, Литвы и — дай-то Боже — Белоруссии. Повторим в который уже раз: без Украины нет империи». Очевидно, что Украина в этой концепции играет особую роль и что «украинский вопрос» в польской политике представляет собой функцию понимания и «русского вопроса», и поиска путей его решения.

### 3.

Одной из основных проблем, связанных с «украинским вопросом», стала проблема отказа от мифологии польских «кресов» (восточных окраин). В письме автору этих строк в середине 90-х Ежи Гедройц предлагал отказаться от понятий «кресы» и «кресовый» как определений, обидных для украинцев и вызывающих у них ассоциацию с имперской историей Польши, и заменить их понятиями «пограничье», «пограничный». Значение этой позиции подчеркивает также Даниэль Бовуа в беседе с Изой Хруслинской и Петром Тымой. Комментируя изданную в 1995 г. книгу Яцека Кольбушевского

«Кресы», он констатирует: «Я знал взгляды Кольбушевского тех времен, когда он писал статьи на эту тему. Они казались мне довольно уравновешенными, и я считал, что он смотрит на польское присутствие на «кресах» несколько отстраненно и способен предложить полякам разумный взгляд на эти вопросы. Между тем он написал книгу, которая показывает действительность идиллически, что никак не соответствует действительности». А в конце интервью он подчеркивает: «Я считаю, что как украинским, так и польским историкам остается еще очень многое сделать. (...) Общие усилия, вложенные в процесс сближения позиций, огромны. Лишь бы «кресовая» ностальгия не блокировала этот процесс и становилась все более маргинальной. Не будет истинной европейской интеграции без полного взаимного понимания соседа при обязательном ученичестве у Юлиуша Меровского». Тем не менее в этом контексте стоит привести слова из книги Кольбушевского, которые хотя бы в некоторой степени опровергают полемические замечания французского историка Украины, — о том, что «по сути миф «кресов» был своеобразным сентиментальным самообманом, которому сегодня уже не может найтись места, ибо этого требуют польские государственные соображения».

Дело, однако, довольно запутано, и этих сложностей выдающийся французский ученый — кстати, связанный с кругом «Культуры», — как будто не принимает во внимание. Очевидность позиции Меровского и «Культуры» сегодня неопровержима. Однако в Польше с этой позицией все не так просто хотя бы потому, что здесь на протяжении десятилетий эта тематика в публичном дискурсе оставалась под запретом, да и потому еще, что «кресовый» дискурс весьма сильно укоренен исторически. Обретение Польшей суверенитета было связано в этом вопросе с пробуждением мстительных чувств, порой крайне несдержанных.

Культивирование мифа «кресов» после 1989 г. стало если не общераспространенным, то живо явленным в нашей жизни. Это имеет свои опасные стороны, так как может пробуждать мстительные чувства, но имеет и положительные, важнейшая из которых — внимание, направленное к востоку. Верно подчеркивает значение этого поворота Анджей Ковальчик в вышеприведенной цитате из его книги о Ежи Стемповском, где говорит об «обновлении образа мыслей». Чтобы это «обновление» — скорее тут следовало бы говорить о создании совершенно нового подхода — стало возможным, необходимо преодолеть все, что Юлиуш Меровский в статье «О евреях, космополяках и восточниках» назвал польской «ненавистью к

Востоку». Он писал, что «польская прозападность вытекает не столько из любви к Западу, сколько из ненависти к Востоку». Эта ненависть, что имеет смысл здесь досказать, в значительной степени вытекает из отказа понимать, построенного на смеси почти презрительного высокомерия и демонстративного нелюбопытства, самый яркий пример которого — полное отсутствие в польских школьных программах по всемирной литературе имен украинских, белорусских, литовских авторов. Авторы многочисленных в сегодняшней Польши научных работ из области «кресоведения» в принципе практически отказываются — кстати, вероятно, неосознанно — от попыток сопоставить польскую позицию со взглядами соседей.

Нагонять такое отставание — дело не простое, хотя в начинаниях, постепенно ведущих к перемене такого состояния дел, недостатка нет, и их несомненно можно назвать еще одним «уроком Гедройца». Я имею в виду хотя бы публикации Люблинского института Центрально-Восточной Европы или блоки материалов на страницах гданьского «Пшеглёнда политичного» и ольштынской «Боруссии» — журнала-лауреата премии «Культуры», — наконец, все более частые выступления украинских писателей в Польше. И все таки может создаться впечатление — хотя бы при просмотре школьных учебников истории, — что образ Востока формируется исключительно как образ России, а польско-украинские или польско-белорусские отношения исчезают из поля зрения. Это впечатление похоже на то, с каким поляки просматривают немецкие школьные учебники истории, где история Германии показана сквозь призму ее отношений с Англией или Францией, а вопросы немецко-польских отношений отодвинуты на едва заметные поля, сведены к эпизодическим событиям. На роль истории в формировании польско-украинских отношений у Гедройца указывал его многолетний украинский сотрудник Богдан Осадчук, самый активный комментатор этих проблем на страницах «Культуры». В своей статье «Роль Ежи Гедройца в польско-украинских отношениях» Осадчук писал: «Иногда я терзал Ежи, чтобы он объяснил мне, как и почему он открыл для себя украинский вопрос. (...) Началось со слушанья лекций Николая Кордубы по истории Украины. Гедройц учился на юридическом факультете, и слушать лекции профессора Кордубы, специалиста по этническим и территориально-пограничным вопросам, было для молодого политика и начинающего редактора чисто личным удовольствием. Лекции варшавского украинского историка сыграли в политической и издательской карьере Ежи Гедройца огромную роль. Украинский вопрос на

всю жизнь стал для него центральным». Хотя центральным вопросом всей жизни Гедройца был вопрос польский, мнение Осадчука все же верно, ибо решение польского вопроса было в значительной мере обусловлено решением вопроса украинского.

Его решение — и в этом Гедройц отлично отдавал себе отчет — невозможно исключительно в плоскости политической деятельности. Ее должна поддерживать активность в области культуры, ибо культура, если речь идет о взаимопонимании поляков и украинцев, — самое подходящее пространство диалога. Этому служил и труд, вложенный в издание «Расстрелянного возрождения», и неустанное внимание ко всем проявлениям культурного самосознания украинцев, заметное хотя бы в систематически выходившей на страницах «Культуры» «Украинской хронике». Тем более что это помогает понять отличие опыта обоих народов и формируемых этим позиций. Права Оля Гнатюк, обратившая внимание в статье «Прощание с империей» на существенные различия, разделяющие политическое мышление обоих обществ: «Наверняка существует важное различие в мышлении о государстве в Польше и на Украине. Это вытекает из различий исторического опыта, а также из подхода ведущих кругов общества: принципиально важно, чтобы они умели мыслить в государственных категориях, а не только в категориях, вынесенных из национальных мифов и литературы. Стоит также попытаться сопоставить эти мифы и развить литературный обмен — так станет возможной дискуссия о взаимных отношениях и отличиях, дискуссия, очищающая подступы к политике». Было бы интересно составить словарь или хотя бы эссеистический путеводитель по польско-украинским и украинско-польским стереотипам, вступлением к которому, можно сказать, служит уже опубликованный «Боруссией» сборник «Польско-украинские темы» (2000). И в просветительской главе такого путеводителя стоит совместно совершить путешествие, описанное Адамом Загаевским:

Ехать во Львов. С какого ехать вокзала  
во Львов, если не во сне, на рассвете,  
когда чемоданы в росе и рождаются  
курьерские, скорые. Внезапно въехать во  
Львов, среди ночи, днем, в сентябре  
или марте. Ежели Львов существует (...)



Львов, он повсюду.

# СТИХОТВОРЕНИЯ

18 января умер замечательный поэт о. Ян Твардовский. 3 февраля он был похоронен в крипте заслуженных под строящимся в Варшаве храмом Провидения Божия. Читатели «Новой Польши» хорошо знакомы с о. Яном. В №4, 2001 мы напечатали цикл его прекрасных и простых стихотворений в переводе Андрея Базилевского («Очередь в небо»), а также статью Базилевского об о. Яне Твардовском («Невозможное неизбежно»). В том же номере мы опубликовали эссе Станислава Грабовского о творчестве этого священника-поэта.

\*

**За всё**

Спасибо что был покой  
и было много тревог  
спасибо что не понимал  
но и уйти не мог  
что руки неведомо чьи успели соединить  
тебя и меня что мы можем ещё любить  
зонтиком надо мной раскроется и спасёт  
смирение — то что нас и в темноте ведёт

**Что ты знаешь**

Что ты знаешь о боли  
о том как любовью и гневом пылают  
о том как страдают кони когда их гонят на войны  
вижу небо — грозное спокойное  
а дальше

не знаю

**После**

Мир после смерти

белей метели

отчаянья больше нет —

грехи разрыдались и улетели

поцеловал меня снег

### **Время**

Всякая любовь была бы чуть понарошку

любая дружба — от сих до сих

любая верность была бы неверна

ни один покойник не сдержал бы слова

договорились — и не пришёл

должен был позвонить — и тишина

даже одиночество уже не объединяло бы

и вообще началась бы полная неразбериха

ибо всё что конечно — слишком кратко

но хронометр старый рационалист

как всегда без оглядки на вечность

точно отсчитывает секунды

которых нет

### **Спокойной ночи**

Ночь важнее чем день

хотя может казаться

что всё совершенно иначе

(иллюзия очередная)

ведь именно ночью нам под силу с телом расстаться

уяснить есть ли Бог

когда вокруг тишина  
молитва громче звучит — едва слова умолкают  
уши ночи прижаты всегда удивлённые  
как два сросшихся вместе семечка клёна  
и всё это неизменно напоминает:  
человек человека ночью в любви zaczynaет  
день крикливый притих  
а время как заяц мчится  
ночью чёрной от света —  
любите. И пусть вам спокойно спится

#### **Кохановского «Псалмы»**

Верни мне Боже давних лет  
горчащий вкус — тот чай в манерке  
покойного отца привет  
сестрёнкин свитер мамы сердце  
и Кохановского «Псалмы»  
сожжённые в огне восстания  
и всё чего желал другим —  
чего увы мне не достанется  
и исповедь и ливень слёз  
отмерянных рукою Божьей  
и просто день обычный день  
из детства — на катке быть может  
Тот снег что на глаза мне падал  
и я шептал забыв про явь...  
а после — требника громаду

и чашу мне на гроб поставь

## **Нынче**

Нынче духовных стихов немало

кто только ни уверовал

лучше я умолчу кого бульдог совести напугал

до припадка нервного

о Ты что сияешь в глазах словно в Острой Бrame

не забывай: хорошо или плохо

стихи я писал — я был Тебе верен

в сталинскую эпоху

# ТЕРПИМОСТЬ

Сколько теперь говорят о терпимости. Быть терпимым — это, иными словами, терпеливо сносить даже чуждые нам взгляды, верования, нравы, культуры, другие традиции, мнения, вкусы, другой тип восприятия. Снисходительный человек — это тот, кто нисходит до понимания мотивов действий своих противников.

В мире человеческой мысли невозможно осуждать, отвергать. Каждый имеет право мыслить по-своему.

В прессе межвоенного периода была напечатана анкета с одним только вопросом: «Кто видел гномов?» Видевших оказалось тысяч пять.

В мире мысли мы можем отнестись с уважением к любому человеческому убеждению, даже к безвредной вере в гномов. Однако, переходя в мир реальных действий, мы должны настраиваться критически, потому что некоторые взгляды могут быть общественно вредны.

Во времена Просвещения боролись за терпимость, но французская революция, выросшая из жажды свободы, была в высшей степени нетерпима. На наших глазах коммунизм провозглашал свободу совести, убеждений и был крайне нетерпим, хотя все время говорил о терпимости.

Если мы помним часто читаемый в церкви при бракосочетаниях гимн любви из Послания апостола Павла к Коринфянам, то слышим, в частности, такие слова:

«...любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего (...) все переносит» (1 Кор 13: 4–5, 7).

Существует предел терпимости. Нельзя быть терпимым ко лжи, неискренности, преступлению, злу, произволу, насилию, проявлениям ненависти.

Настоящая терпимость позволяет свободно выражать взгляды и не борется с тем, что происходит в мире человеческой мысли. Однако она требует от человека благородства, ответственности, честности, правды.

Терпимость — высокое слово, которым нельзя злоупотреблять. Это слово может оказаться лживым, неподлинным.

Настоящая, честная жизнь всегда ведет к терпимости.

Биология подсказывает нам, что терпимости мы можем учиться у своего организма, обладающего способностью без вреда для себя переносить влияния нездоровых веществ, неблагоприятных условий окружающей жизни. Вместе с развитием техники организм приспосабливается ко все более загрязненному воздуху, но и тут есть пределы терпимости. Случаются отравления выхлопными газами в центре города. Зло перешло границу.

Терпимость не может быть некритичной, безграничной и должна обладать своим защитным инстинктом. Терпимости надо учиться, как любви.

# ХАРАКТЕР ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

*— Названия ваших произведений всегда изобретательны, то же самое можно сказать и о последней книге — «Из головы». У читателя сразу же возникает несколько занятных ассоциаций. А какие приходят в голову вам?*

— Когда я был только-только начинающим писателем, мои варшавские друзья прозвали меня «Голова» [по-польски «Глова». — Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.]. Это первое объяснение. «Из головы» означает еще и выбрасывать что-то, избавляться от какой-то проблемы. Ну и, наконец, этот оборот подсказывает, что здесь есть элементы вымысла, «правдивой выдумки», то есть чего-то такого, что если и не произошло в действительности, то должно было произойти. Но в этой книжке не так уж много вранья, как все думают.

*— Это и неудивительно, если вы сами на ее страницах утверждаете, что один из принципов, которыми должен руководствоваться эмигрант, — это выдумывать рассказы о своих успехах. И вдобавок пишете, что он должен сам поверить в свои рассказы. Так как же читатели могут вам доверять? Вы же, в конце концов, пишете и о годах своей жизни в эмиграции?*

— Знаете, вначале я действительно, как все почти эмигранты, немного привирал, чтобы воспрянуть духом. Это паршивая ситуация, когда человек, будучи, как я, довольно известным писателем, вдруг приезжает в Нью-Йорк, а там никто не знает, кто он такой и чем занимается. В общем, отскакиваю я рикошетом от дверей всех этих издательств и театров, а мне тем временем звонят всякие приятели и красочно описывают свои успехи. Так что я со стыда тоже уверял их, что добился невероятного успеха. Это были в основном художники, графики, которые рассказывали, что они в настоящий момент выставляются у Гуггенхайма или в музее Метрополитен. Ну а я на это отвечал, что обо мне только что писал «Нью-Йоркер», а Норман Мэйлер прочитал мой рассказ и пришел в восторг. Так приблизительно это выглядело. А потом каждый из нас посмеивался над враньем другого.

И все же странные законы управляют миром, потому что вымышленные вещи иногда — ни с того, ни с сего — становятся реальностью. Я, например, с самого начала мечтал о



том, чтобы Джо Папп поставил мою пьесу в Народном (Public) театре, потому что это лучший театр в Нью-Йорке. Текст «Замарашки» был выслан, а Папп и не догадывался, что хочет ставить по нему спектакль, когда я уже распространялся об этом повсюду. А туда ежедневно почтой приходит не меньше десяти пьес. В конце концов как-то так сложилось, что он сделал эту постановку. Конечно, помог мне в этом Артур Миллер и стечение многих других счастливых обстоятельств, но, как видно, из вранья иной раз выходит правда. Так что рекомендую свой принцип коллегам. Хотя (улыбается) я не уверен, что это правило.

*— «Из головы» — книга, которая на самом деле существовала уже очень давно, но только в ваших интервью и многочисленных дружеских байках. Я пытаюсь подсчитать: на сколько процентов? Пятьдесят? Шестьдесят? Ведь вы ее действительно начали писать в голове уже с давних пор. Когда?*

— Кажется, вы все-таки несколько переборщили с этими процентами, потому что в ней очень много вещей, о которых я никому не рассказывал. Хотя правда, некоторые сюжеты повторяются, да только никогда не рассказывается об одном и том же точно так же. Я писал эту книгу приблизительно так, как пишется роман. Представил себя литературным героем, и решил, что моя жизнь достаточно интересна, чтобы уложить ее в фабулу. Потому что если серьезно подумать, то в моей жизни отражается немалая часть XX века. И вот я размышлял над тем, каким я был когда-то; что повлияло на то, что я был таким, каким был; и кто виноват в том, что я такой, какой есть.

*— Читая «Из головы», я думал о Гомбровиче. Он в конечном счете всю свою жизнь писал автобиографию. Во время чтения вашей книги у меня создалось впечатление, что вы тоже пытаетесь определить условия, которые будут незыблемы для будущих авторов монографий.*

— (подумав, осторожно) Мне очень приятно, что вы меня сравниваете с Гомбровичем. Я никогда не вел дневников, как он, но зато делал очень много записей. Записывал и записывал. Я знал, что когда-нибудь напишу что-то вроде «Из головы». И в конце концов решил, что вот он, последний шанс, пока я еще много чего помню. Я жил на большой скорости, так что... (с внезапной подозрительностью) ...знаете что, мне вдруг стало неловко: если я вам сейчас начну говорить вещи, о которых я где-нибудь раньше упоминал или — не дай Бог! — писал, то вы меня в тот же миг уличите, что уже слышали это или читали.

— *Ничего подобного не скажу, потому что давно знаю, что писатели проверяют свои книги на собеседниках. Итак, вы жили на большой скорости и...?*

— Жил торопливо, много записывал и принимал разные решения, не раздумывая над ними слишком долго. Такова жизнь, особенно в эмиграции, где все делается очень поспешно и нервно, потому что земля горит под ногами. И тогда совершается много глупостей...

— *Но ваш-то результат не из худших! Многим людям эмиграция явно вредна, но вам она оказалась как будто даже полезна. Так, может, вам, как это ни парадоксально, стоит поблагодарить генерала Ярузельского?*

— Действительно, мне эмиграция помогла. Не будь генерала, моя жизнь наверняка сложилась бы совершенно иначе. Когда я приехал в Лондон на премьеру «Замарашки», я собирался сразу возвращаться в Польшу. Кое-кто из друзей пробовал мне «устроить» какие-то интервью в английской прессе, но в редакциях отвечали: «Подождем, посмотрим, как пойдет пьеса». Когда через несколько дней объявили военное положение, на меня в тот же миг набросились журналисты, перед театром появились толпы, а меня приглашали на телевидение. И так вот из неизвестного провинциального писателя я превратился в знаменитость. На мгновение, конечно, так как успехи, связанные с политикой, всегда преходящи.

— *Вы как-то сказали, что счастливы, поскольку в эмиграции вам удалось не только сохранить писательское мастерство на приличном уровне, но и обогатить его. Вот так оно вышло, а на самом деле могло бы быть и наоборот: необходимость писать по-английски в большинстве случаев становится «поцелуем смерти» для писателей-эмигрантов. Почему этого не произошло с вами?*

— Знаете ли, эти подходы к тому, чтобы начать писать на чужом языке, были ужасно трудными. Нынче я по-английски сочиняю только диалоги в пьесах. Прозы, однако, уже не мог бы написать, хотя само писание по-английски меня безумно забавляет. Это совершенно новый опыт. Помню, как во время работы над «Антигоной в Нью-Йорке» я часто разговаривал с полицейскими, чтобы научиться их «полицейскому американскому», который абсолютно отличается от «нормального» английского.

Я знаю, что несколько моих приятелей, эмигрировавших и начавших писать за границей на чужом языке, пролетели на

этом. А мне, кажется, это не повредило — даже наоборот, помогло. Английский лаконичен, поэтому прекрасно подходит для диалогов, что, кстати, хорошо слышно в американских фильмах. А я люблю писать диалоги...

*— Значит, у вас должна быть до мелочей выработана авторско-издательская политика: что вы пишете и издаете по-английски, а что — по-польски. И кто проверяет тексты, написанные по-английски...*

— Я уже говорил, что по-английски пишу статьи и пьесы, а по-польски — прозу. «Антигона» сразу писалась по-английски, а потом я поехал с ней к одной американской писательнице, которая польского не знает, и мы вместе засели над текстом. Я думаю, это лучший и вообще единственный способ, чтобы произведение не звучало как перевод, а на самом деле выглядело как написанное на том языке, на котором напечатано. Мы сидели буквально над каждой фразой. Потом вместе подписались под переводом. То есть translated by J.G. and Joan Tores [перевели Я.Г. и Джоан Торес]. Хотелось избежать всех тех проблем и подозрений, с которыми столкнулся Ежи Косинский.

*— Немногим польским писателям удается за границей прокормиться литературой. Вам выпал невероятный фант. И все же почему так происходит? Может, польские писатели слишком уж высоко задирают голову, может, слишком уж привязаны к романтической роли скитальца, пророка?*

— Я считаю великой несправедливостью то, что поляки не завоевывают славы в мире. Мы ведь во всем лучше всех. Надеюсь, вскоре выяснится, что у нас и самые лучшие в мире писатели (смех).

*— Добиться успеха в Америке — это страшный грех. Вот вам подходящий случай его искупить, дав пару полезных советов писателям, которые как раз выезжают и не хотят разделить судьбу бомжей, ночующих на лавках нью-йоркских парков.*

— (С деланным возмущением) То есть как, извините, — я столько намучился, а теперь должен выращивать себе конкуренцию? Нет, кроме шуток, не буду никому давать никаких советов.

*— Ну что ж, процитирую Януша Гловацкого: «Нью-Йорк — это страшно большой город, в котором страшно много писателей». Значит, несколькими поляками больше, несколькими меньше — для вас не должно быть большой разницы. Так как им надо зарабатывать известность за границей?*

— Не знаю, в каждом отдельном случае дело обстоит несколько иначе. Надеюсь, что многие из них добьются успеха. Хотя видал я таких поляков, которые, издав книжку в Штатах, на пресс-конференции или «бук-парти» на вопрос, кого еще из польских писателей стоит издать в Америке, отвечали: «Увы, больше уж никого нет. Вакуум! Полная трагедия!» Этим мы отличаемся, например, от чехов, которые очень поддерживают друг друга. Хотя... с другой стороны, осуждают Милана Кундеру. И Милоша Формана тоже (*разводит руками*).

*— Образ Польши — страны воров и завистников — с давних пор появляется в вашей прозе. Крах коммунизма не изменил этого мнения?*

— (*С упреком в голосе, но улыбаясь*) С этими ворами — это уже перебор... (*Оправдывающимся тоном*) Это фигура речи, сильное преувеличение... Хотя действительно так уж сложилось, что, например, в Германии о нас бытует мнение как об угонщиках автомобилей. Нельзя, конечно, так обобщать. Однако, бесспорно, бескорыстная зависть — это польская специальность. Со всей ответственностью берусь утверждать, что это чувство действительно существует, оно сильное и, возможно, выделяется на фоне всех остальных наших черт. Тут ведь дело не в том, чтобы занять чье-то место, а в том, чтобы так вообще, на всякий пожарный, кого-то обосрать.

*— За всеми спорами о нашей пресловутой зависти и подлости кроется очень серьезный вопрос о сомнительном нравственном и душевном уровне поляков. От чего этот уровень зависит? Казалось бы, пятнадцать лет жизни в Третьей Речи Посполитой должны были что-то изменить, все могло бы уже выглядеть иначе.*

— Знаете, я всегда боюсь обобщений типа «поляки», «американцы», «евреи» и так далее. Всегда можно сказать: смотря какие, потому что одни — так, а другие — сяк. Я предпочитаю смотреть на каждого по отдельности, на поляков, гомосексуалистов и прочих. Одних люблю, других — нет, но не отношусь к ним как к однородной массе людей. А откуда взялась польская зависть? А я знаю?.. Может, оттого, что это очень бедная страна, которая всякое прошла и где ценности были потеряны уже на ранней стадии коммунизма или там социализма. Вечная нищета и недоверие ко всякой власти. Но бескорыстная зависть была уже в период романтизма. Я не люблю говорить о поляках «вообще». Так что давайте условимся, что мы говорим о проблемах некоторых героев моих пьес, а не о Папе Римском или Чеславе Милоше. Некоторые польские критики обвиняли меня, что мой

бездомный Пхелка [Блошка], воришка и болтун, живущий в нью-йоркском парке, — дешевая карикатура на поляков. Мне же тем временем сдается, что с этим Пхелкой у нас, увы, много общего, хотя нельзя забывать, что это только литературный герой. Которого, впрочем, как большинство своих героев, я понимаю и люблю.

*— В своей автобиографии вы без сантиментов расправились с мифом Америки как земли обетованной. Но ведь вы сами — доказательство тому, что в США можно, несмотря ни на какие трудности, осуществить свои планы и мечты. Где логика?*

— Видите ли, для одних Америка — земля обетованная, для других — нет. Я вовсе не заработал там таких миллионов, чтобы покупать себе острова в Тихом океане. Нет, правда, сильно преувеличивают насчет всех этих успехов и карьеры. Интервью и авторские встречи — это действительно часть писательской профессии, но только сопутствующий элемент. Американские издательства часто платят автору меньше, чем тратят на «бук-парти», куда приглашают журналистов и критиков.

Я просто жил на писательские заработки и считаю это серьезным достижением. Масса американских писателей зарабатывает на жизнь, обучая в разных учебных заведениях. Прокормиться собственным творчеством совсем не легко. Мне повезло, что все мои пьесы были поставлены и потом куплены для производства кино или же мне заказывали сценарии. По правде говоря, ни одного фильма по ним так и не сняли, зато мне за них платили. Потому что в Америке так заведено, что если какая-то пьеса прошла успешно, Голливуд ее тут же на всякий случай покупает: а ну как что-нибудь из этого выйдет? Так что сначала и я преподавал — в Колумбийском университете, но только несколько семестров. Потом мне уже не нужно было этого делать. Не люблю учить. Еще и поэтому не хочу давать польским писателям никаких указаний. Справятся без меня. Что уже и происходит. Загаевский тому примером — добился известности в поэзии.

*— Откуда же в книге «Из головы» столько едких замечаний в адрес Америки — взять хотя бы тему политической корректности, которая, по вашему мнению, принимает там иной раз безумные формы? Пытаясь решить для себя этот вопрос, я подумал, что, возможно, это месть за то, что вам пришлось — таки немного погнуть спину в этом краю всеобщего благополучия.*

— Нет, это проявление честного, искреннего отношения к этой стране. Я внимательно наблюдаю за ней. Это чудесная,

великолепная страна, хоть иной раз она и приводит меня в ужас. Американский идиотизм так же глуп, как и польский, только у него несколько другой оттенок. Впрочем, находясь в Америке, я говорю о ней хуже, чем за ее границами. То же самое и с Польшей — ею я восхищаюсь, только когда из нее уезжаю.

*— Мне не дает покоя вопрос, почему вы, безжалостно описывая американскую культурную жизнь в разных ее проявлениях, щадите тамошнюю критику, особенно театральную, выражаетесь о ней с почтением. Чего не хватает польским критикам, почему все подряд, а в первую очередь писатели, относятся к ним с пренебрежением?*

— Об американской критике я пишу хорошо, потому что она обо мне хорошо пишет (смеется). Есть какая-то закономерность в том, что чем больше плохих рецензий на мою пьесу появится в Польше, тем вернее ее ждет огромный успех в остальном мире. Часто в польской критике встречается интересное сочетание отсутствия литературных способностей с целой системой спекуляций и зависимостей. Но я не хочу на эту тему распространяться, потому что мне как клиенту критиков это не пристало.

*— Признаюсь, не понимаю: если вам не пристало говорить о польской критике, хотя вы, насколько я понимаю, не опутаны сетью зависимости от издателей, рецензентов и других писателей, то кому пристало? Кто имеет право громко заявить, что польская критика ни к черту не годится?*

— Я слишком мало читаю критических сочинений, чтобы вот так по-серьезному их оценивать. Да, наверное, мало читаю... Ведь было же когда-то несколько критиков, чьи вещи читались с наслаждением. А теперь наслаждений ищут в других местах. Критику на берегах Вислы я воспринимаю только как «паблисти». Если рецензия хорошая — хорошо, плохая — Бог с ней. И речи нет о серьезном разговоре.

Когда-то, во времена ПНР, было хуже некуда получить положительную рецензию в «Трибуне люду», потому что люди попросту не приходили после этого в театр. Поэтому я всегда раскрывал эту газету с дрожью и надеждой, что меня обольют нечистотами. А потом вздох облегчения: разругали! Сразу было ясно, что завтра люди будут стоять у входа в театр. То же самое было с кино и литературой.

Нынче в Польше, кажется, не воспринимают всерьез театральной критики. Важнее то, что скажут люди. Американцы читают критические статьи в прессе, потому что

вынуждены выбирать. В Польше премьер немного, так что и выбор невелик. Я знаю спектакли, низко оцененные критикой, а позже все равно имевшие успех у публики, а значит, и приличные кассовые сборы.

— *А может быть, никто не верит польским театральным рецензентам и они не пользуются авторитетом, потому что их оценки зависят от конъюнктуры и приятельских соглашений, а не от истинной ценности спектакля?*

— В американской театральной критике есть несколько замечательных авторов, хотя и у них, конечно, есть свои пристрастия. А также не самые лучшие дни. Когда они гриппуют, например. Однако в принципе они стараются быть объективными: не поддерживают дружеских отношений с писателями, после премьер не ходят на банкеты. Хотя не будем обольщаться, даже и там не все так уж совершенны. А вот плохая рецензия в «Нью-Йорк таймс» убивает пьесу в течение двух-трех дней, независимо от того, сколько денег ушло на постановку. Иначе и быть не может, если в одном только Нью-Йорке проходит более четырехсот премьер в год. Людям ничего не остается, как слепо верить «Нью-Йорк таймсу» — по крайней мере, они уверены в том, что там работают профессионалы.

— *«Из головы» заканчивается двумя мрачными фрагментами, которые сильно отличаются по своей атмосфере от предыдущих, в целом безмятежных частей книги. Это ваши размышления о матери и о Ежи Косинском. Признаюсь, они произвели на меня сильное впечатление. И вызвали уважение — прояснили мне, что вы не исповедуете идеологию «легкости бытия».*

— Эта книга заканчивается событием, для меня наиважнейшим, — уходом матери. Это было для меня чем-то непередаваемо страшным. Я боялся об этом писать, но написал. А Косинский?.. В Нью-Йорке я долгое время приглядывался к нему. Невероятный успех и вместе с тем — атмосфера подозрений и обвинений. Говорят, что он несколько лет подряд всегда имел при себе яд, то есть был готов к самоубийству.

— *Читая ваши воспоминания о Косинском, я не мог отделаться от мыслей о Мареке Хласко. И потом понял, почему. Оба были баловнями судьбы и могли добиться всего. Глядя на них в минуту их славы, на ее вершине, никоим образом нельзя было предвидеть, что они так стремительно упадут вниз. Наверняка вы не раз задавали себе вопрос о цене успеха и о том, как тонка грань, отделяющая успех от поражения...*

— В 1982 году, как раз в то время, когда я очутился в Нью-Йорке, появилась статья в газете «Виллидж войс», которая полностью изничтожила Косинского. А он тогда уже был большой знаменитостью — заслуженно или нет, не мое дело. В этой статье его обвинили в том, что он не сам пишет свои книги, что за него это делают нанятые им издатели, что он не настолько хорошо знает английский, чтобы писать на этом языке.

В результате отменили все его встречи с читателями, перестали переиздавать книги, а люди, которые еще недавно носили его на руках, отвернулись от него. Трагическая история. Можно сказать, что его затравили, так что уже до конца своих дней он оставался чем-то вроде раненого зверя. Исчез из публичной жизни, зашился на семь лет дома и писал свою последнюю книгу — «Отшельник с 57 й улицы». Все это пахло отчаянием — его прежнее творчество было ценно своей свободой, отсутствием напряжения, а теперь он хотел доказать, что пишет сам, что он серьезный писатель, эрудит... Получилась довольно кошмарная книжка. Творение, которое должно было вознести его обратно на Парнас, оказалось ужасным провалом. На «Отшельника» обрушились скверные рецензии, и Косинский от этого удара уже не оправился.

Я размышлял о его жизни — судьба или случай ею управляли? Сравнивая его историю с историей Эдипа, задавал себе вопрос, возможно ли в сегодняшнем мире написать трагедию и каково различие между трагедией и трагизмом. Я даже начал писать о нем пьесу, но отвлекся, чтобы написать «Из головы», хотя думаю, что еще вернусь к этой теме. О Косинском, кстати, появилась уже одна пьеса в Нью-Йорке, но провалилась сразу, потому что была страшно публицистична. Автор все в ней объяснил: много ли Косинский врал, зачем и почему. А мне кажется, что он интереснее как человек, не до конца просвеченный рентгеном, и что-то в этом роде я пытаюсь написать.

**— Вы не хотите раскрыть его тайн или считаете это попросту невозможным?**

— Знаете, однажды я пришел к нему домой, на эту самую 57 ю улицу, а он начал при мне прослушивать answering machine, или, как это по-польски... автоответчик, да? Там были такого типа messages: первый — из Йельского университета, исполненный уважения, преклонения, умоляющий приехать и украсить собой какое-то торжество; следующий — от женщины, мягко говоря, легкого поведения, которая кричала: «Ты, сукин сын, если сию минуту не появишься, я тебя



прикончу!»; третий из какого-то колледжа, покорный: «Mister Kosinski, please!»; потом опять же от какой-то женщины с испанским акцентом. Вначале я подумал: «Боже, какая это необыкновенная жизнь!» — но тут же мне пришло в голову, что, возможно, все это он приготовил специально для меня, что это инсценировка, чтобы шокировать нового знакомого.

Косинский делал массу странных вещей, которых я не в состоянии объяснить. Ходил, например, по больницам, к смертельно больным людям. Садился у кровати и читал им отрывки из своих романов. Я не знаю, хотел бы я, чтобы Косинский сел около моей кровати и читал мне «Страсти Господни» или «Ступени»... Вокруг него была атмосфера тайны, неясности. Великий успех и великое падение — это всегда безумно интересно.

**— А вам не приходила в голову мысль, что история Косинского — своего рода предостережение любому писателю в эмиграции?**

— То есть думал ли я о собственном падении? Конечно, но известно ли вам, каким трудом я достиг того, что имею...? (Проникновенно) Я страшно намучился. Ей-Богу, добиться чего-то в Америке очень трудно. Там огромная конкуренция, непрерывно приземляются самолеты с ордами творческих людей со всего мира, а под мышкой они тащат рукописи, мольберты и ноты. Как правило, они исчезают где-то во всеобщей суматохе. Часть из них отталкивается от дна, но большинство исчезает. Однако вот интересное дело: в Америке люди знают, как нелегко чего-то достичь, и, если кому-то наконец это удастся, считают, что это заслуженно. Тогда как у нас воцаряется страшная подозрительность, недоверие к любого рода успеху. Когда в Нью-Йорке начали ставить мои пьесы, у нас тут же сочли это доказательством интеллектуального падения Америки.

**— Сопутствовали ли вам на этом нелегком пути те опасения, которые мучают героев «Охоты на тараканов» и «Антигоны в Нью-Йорке»? Что и вы закончите свои дни на улице и будете спать на лавке, прикрываясь газетами?**

— Когда я писал «Тараканов» — да, было такое. Работа над этой пьесой шла у меня как по маслу, потому что по большей части была записью моих ночных разговоров с женой. Я спрашивал с ужасом: что же будет? Чем все это кончится? Есть ли у нас еще деньги, чтобы заплатить за квартиру и не окажемся ли мы на улице?.. Эта вещь действительно очень личная. Это бессонная ночь пары эмигрантов в маленькой квартирке на Манхэттене в компании тараканов, когда из-под кровати вылазят призраки.

Тут что-то типа шизофренической мешанины Польши с Америкой, поскольку агенты госбезопасности из Варшавы не слишком отличаются от офицеров иммиграционных служб.

**— Что, и правда не отличаются? Трудно поверить! Это после военного-то положения в Польше?!**

— А вот представьте себе! Меня это сходство поразило еще тогда, когда я только что приехал в Лондон и старался получить американскую визу. Прежде я принял приглашение одного из самых дорогих аристократических колледжей для благородных девиц, в котором, кстати, преподавал еще Эрих Фромм. К тому же президент Рейган осудил военное положение, а Ярузельского вместе с его свитой назвал шайкой бандитов, ну я и считал, что в американском посольстве мне раскроют объятая и расцелуют. И что оказалось? Когда я принес все документы и приглашения, ко мне отнеслись как к пройдохе, который состряпал какие-то левые бумаги и пытается выцыганить «политическое убежище». Меня, например, спрашивали, не является ли целью моей поездки покушение на президента. Женщин, которые ожидали решения вместе со мной, спрашивали, собираются ли они заниматься проституцией. Я им советовал отнестись к этому как к комплименту, но у них все же были сильные сомнения на этот счет. Актеры, участвовавшие в американском представлении «Охоты на тараканов», тоже не верили, что в иммиграционной службе задают такие вопросы, — ну и в конце концов позвонили туда. Оказалось — задают.

**— Но болезненнее вы все-таки реагировали на нью-йоркских homeless? Это сильнее впечатляло — то, что можно оказаться на их месте?**

— Разумеется, я боялся, глядя на бездомных, лежащих под стенами домов. Когда идешь по Бродвею, приходится перешагивать через людей, спящих на улице. Но если они улыбались, становилось как-то получше. Я даже начинал подумывать, что, может, это и не так страшно — очутиться под этой стеной... Так что, в конечном итоге, я учитывал возможность такого краха... Когда Джо Папп взялся за постановку «Замарашки», я жил на Манхеттене, но за Гарлемом, то есть ужасно далеко. Ночью я возвращался на метро, с пересадкой, частенько засыпал где-нибудь на станции. Это было невероятно! Крис Уокен, который только что получил «Оскара» за «Охотника на оленей», выступает в моей пьесе, а я в этой гарлемской толпе, на какой-то заплеванной лавке, жду электрички. Страшная путаница. Все это крайне занимательно, но я никому не пожелаю того же.

— *Что ж, и впрямь сюрреалистическая картина. А теперь, после всего этого, вы не задаетесь вопросом: а стоило ли? Не слишком ли высока цена карьеры?*

— Видите ли, я все-таки занимался в Америке тем, что люблю и умею делать лучше всего остального, то есть писательством. И к тому же мне кажется — я говорил об этом не раз, — что унижение писателю не повредит. (Убежденно) Я в самом деле так думаю! То, через что я прошел, только обогатило мое творчество. Сомневаюсь, что я смог бы написать «Антигону», не покидая Варшавы. Я должен был столкнуться с тем, что в Нью-Йорке повседневность: взлет и падение. Там успех ходит рука об руку с катастрофой. Я наблюдал это, потому что и сам был в двух шагах от катастрофы. Поэтому я не ропщу.

А стоило ли? Стоило именно потому, что это хорошо на меня повлияло. Я стал писать лучше. Потерял уверенность, что Польша — пуп земли и что тут гениев на квадратный метр больше, чем где бы то ни было. Я ни о чем не жалею, как пела Эдит Пиаф.

— *Признаюсь, не вполне этому верю. Вся ваша новая книга — это бурная реакция на слепое подчинение законам мира масс-медиа, гонки за карьерой, пустой лоск. Вас ведь все это приводит в ярость...*

— То есть чему вы, собственно, не верите?

— *Не верю, что вы принимаете эти законы и действительно хотите баловаться этими играми в успех. Вы вынуждены этим заниматься, потому что такова цена публикации. А это меняет суть дела.*

— Да я и не играю в успех. Я признался, что в муках чего-то добился, но имел в виду только само писание книг. Ради этого стоило мучиться. А остальное — требования рынка, благодаря которым мы сейчас сидим у стойки в баре и беседуем. Они, увы, необходимы, и вы им подчиняетесь не в меньшей степени, чем я. Такова сегодняшняя реальность — ничто не обойдется без телевидения.

Конечно, мир болен, его заразили средства массовой информации, которые нами манипулируют и, в свою очередь, сами поддаются манипуляциям. Так уж случилось, и ничего тут не поделаешь. Если мне хочется, чтобы мои книги читали, то я должен с вами беседовать — может, кто-нибудь этот разговор увидит и купит их, а я заработаю денег. А вот доставляет ли мне

это удовольствие? (С двусмысленной улыбкой) Трудно сказать. Может, если выпью еще пива, почувствую себя лучше...

— Как далеко простирается ваша готовность к подобного рода компромиссам? Вам не мешает, что перед нашим разговором в пятнадцатиминутной литературной программе зрители около часа будут выслушивать откровения футбольного игрока или актрисульки популярного сериала о судьбах мира? Подозреваю, что таким образом создаваемая СМИ иерархия ценностей вам не по нутру.

— Не по нутру, и об этом, помимо всего прочего, моя последняя книга. Об этой путанице понятий, утрате ценностей, об их переходе в стадию цинизма и о кошмарном поглуплении мира. Впрочем, это, кажется, заметно всем. Если уж дизайнеры стали величайшими художниками XX и XXI века... Это же бред какой-то! Я здесь пишу, например, как над музеем Метрополитен вывесили гигантский плакат с надписью «Версаче», а рядом висят малюсенькие афиши «Мане», «Пикассо». На эти выставки вообще никто не приходил, но на Версаче валили дикие толпы, потому что в витринах (чтобы никто, упаси Бог, не коснулся рукой экспонатов) выставили платья леди Дианы. Мужчины и женщины плакали, глядя на них. Вот до чего довели мир масс-медиа.

— Мне хотелось бы вернуться к вопросу о той цене, которую приходится платить за эмиграцию. Много лет назад мне довелось вести встречи с Маклакевичем во время Дней кино и литературы — надо сказать, общение с ним было мощным впечатлением. Могу себе представить, как подобные люди могут влиять на окружающих. Маклакевич и Химильсбах [всенародно любимые польские актеры, Ян Химильсбах еще и интереснейший прозаик] часто упоминаются в вашей книге. Это часть того мира, который вы потеряли, уезжая. Интересно, удалось ли вам хотя бы частично воссоздать его в Америке.

— Нет, в Америке у меня был совершенно иной мир. От чего-то я отошел или, скажем, отпал, зато узнал новых людей, новые жизненные драмы. Среди них тоже встречались большие художники со всяческими проблемами, с пьянством, к примеру, или кокаином. Так что в итоге это было обогащением, а не только утратой. К Янеку и Здисю я отношусь лирически, но, по правде говоря, не страдаю от какой-то безумной тоски по ним. Думаю и пишу о них с ностальгией, что, наверное, видно, но могу без них жить.

— С ностальгией? Да, это видно. Хотя необязательно по самим Маклакевичу и Химильсбаху, а по некоторой модели мира, которая

*потеряна безвозвратно.*

— Да. Это был пээнэровский мир, зараженный абсурдом и несостоятельностью — из-за цензуры и всего остального. Угробить здоровье и талант считалось хорошим тоном, чем я и занимался в течение многих лет, и с неплохим результатом. Возможно, мой отъезд меня и спас, иначе меня уже могло бы и не быть, как очень многих моих друзей и знакомых. Я писал, что когда после семи или восьми лет отсутствия приехал сюда, то ожидал, что это станет огромным событием. Вернулся известный писатель, достигший успеха в Америке. Захожу в СПАТиФ [Объединение польских артистов театра и кино, а в данном случае кафе при нем] — и что? Там никто вообще не заметил, что я уезжал. Кто-то меня только спросил: «Дернешь еще пол-литра?» Они не заметили, что меня много лет не было.

*— Ну, были и такие, что заметили, иначе вы не написали бы в своей автобиографии, что любите приезжать в родные пенаты, чтобы посмотреть на завистников, которых корчит со злости, что у вас все получилось. За американский успех требуется, однако, заплатить: вам никогда уже не быть для поляков тем, кем были Химильсбах и Маклакевич.*

— Я отдаю себе в этом отчет. Химильсбаха и Маклакевича потому-то все и обожали, что у них жизнь не сложилась: вечно пьяные, оборванные, и вечно занимали деньги. Тогда успех в Польше был подозрителен, к нему плохо относились. Поляки прощали Янеку и Здисю их славу, потому что завидовать было нечему. Все знали, что когда Химильсбах отправлялся пить, то клал верхнюю вставную челюсть в правый карман, а нижнюю — в левый, чтобы не потерять обе разом. Это были потрясающие актеры, в самом деле недооцененные, и страшно жаль, что оба ушли из жизни так преждевременно и бессмысленно. А Янек был писателем по гамбургскому счету.

Еще среди тех, кому удалось пробиться к славе, снисходительно относились к спортсменам. Все знали, что это нищие, контрабандой провозящие золотые часы в трусах, а доллары — в зубной пасте. Помните знаменитую историю Владека Комара, который в те баснословные коммунистические времена покупал на Западе по две пишущих машинки «Оливетти», связывал их ремнем от брюк, вешал вокруг шеи так, что они болтались у него на груди, застегивал плащ и проходил через таможню?

*— Превосходные страницы в книге «Из головы» посвящены описанию пьющей богемы или просто каких-то городских забулдыг. Тут возникают миры необычайно живописные, полные*

*колоритных персонажей вроде тех, которых мы когда-то находили в прозе Конвицкого. А ведь вы с какого-то времени потеряли их из виду, наблюдаете их наскоками. Много ли изменилось в жизни этих польских пропойц?*

— Вы понимаете, перевелись нынче такие заведения, как кафе СПАТиФ. Вы уже нигде не найдете такой перетасованной публики, которая была особой приметой тех мест. Там вместе напивались диссиденты и топтуны, которые их подслушивали, жалуясь, что на такой паршивой аппаратуре ни черта не запишешь. Уличные девки сидели в соседстве знаменитых спортсменов, артистов и членов ЦК. Сейчас люди нажили состояния и ходят на «презентации», где вращаются в кругу звезд телесериалов и прочих жалких зрелищ. Что-то пропало.

Тогда все было перемешано. Полная сумятица. Как-то один гэбэшник, который меня допрашивал, спросил, зачем я вообще пишу. «Интеллигентный человек не пишет, — сказал он, — интеллигентный человек не оставляет за собой никаких следов». Этот разговор хорошо передает атмосферу тех лет. Он не вошел в новую книгу, а жаль.

— *Когда я учился, мы были обязаны читать ваши фельетоны, так как еженедельники «Культура», «Политика», «Литература» и некоторые другие журналы были в нашей обязательной программе. Признаюсь, вы нас ставили перед дилеммой: с одной стороны, публиковались в передовом партийном издании, с другой — как бы заговорщически подмигивали нам, издеваясь над партийными святынями. Мы замечали, что вы выделяете какие-то изоциренные па на канате, но вместе с тем понимали, что это позволено только любимцу Януша Вильгельми. Как функционировал этот договор с нечистой силой?*

— Вильгельми действительно имел ко мне некую слабость. Это был страшно циничный главный редактор, но вместе с тем интеллигент, эрудит. Я получал от него уроки цинизма типа: «Янушек, избегай первых порывов души, они могут быть честными». Или: «Не следует слишком уж отбрасывать мораль — однажды это может перестать быть выгодным». Это были его знаменитые бонмо... [Варшавской] «Культурой» Вильгельми руководил довольно жестко и безжалостно, но, кажется, его забавляло, что он мог позволить мне на последней странице газеты насмеяться над тем, за что он воевал на первой. Пропускал он почти все, что я давал. Я был в его глазах кем-то вроде того способного, но хулиганистого ученика, которого еще можно воспитать.

— И в итоге такого «воспитания» вы должны были сделаться еще одним Теплицем или Пассентом [ведущие публицисты и фельетонисты официальной печати ПНР, продолжающие писать и ныне]. Вы же избрали третий путь, и сегодня переизданы ваши тогдашние фельетоны, а люди их покупают. В чем заключается ваш патент?

— Это была своеобразная игра с цензурой. Я разработал систему писания наизусть. Например, когда появилось пресловутое «Глупое дело» Станислава Рышарда Добровольского о марте 68 го, было строжайше запрещено высказываться о нем критически. Тогда я решил засыпать его похвалами и в фельетоне сравнил с «Улиссом» Джойса, в пользу, конечно, Добровольского. Я очень серьезно анализировал, и цензура это пропустила. Говорят, Добровольский тоже прочитал этот текст буквально и остался доволен. А я убедился, что это эффективный метод, и мне довольно долго удавалось обманывать цензуру, пока два моих фельетона не были инсценированы в кабаре «Под Эгидой». Первый был похвалой Аттиле, которого я сделал либералом, воюющим с моральным упадком Запада, а второй рассказывал о Фоме неверующем. Цензоры вдруг увидели, что люди, слушая Пшоняка и Фрончевского, покатываются со смеху, и почувствовали, что с моими текстами что-то не так. С тех пор цензура приклеилась ко мне крепко. Таков был конец моих извращенных игр с цензурой. (улыбается) Что ж, рад, что эти фельетоны не вызывали у вас отвращения, хотя и были опубликованы в коммунистической прессе.

— Не вызывали, потому что издевательский тон был очевиден. Но, как ни крути, вы писали в правительственной газете, что уже было принятием диктата. И тут всегда встает вопрос: где граница? Что еще можно себе позволить, а чего — уже нет? Вот в партию вы, например, не вступили. То есть что-то можно было, а чего-то — нельзя. Меня интересует, как вы для себя устанавливали эту границу?

— Видите ли, где-то все же приходилось писать, если хотелось быть писателем. Конвицкий тоже печатался в коммунистическом «Чительнике». Так что не надо громких слов об играх с властью, раз других возможностей не было. О чем еще тут говорить?

— Существовала альтернатива — например, парижская «Культура». Если кто-то уперся на своем, то мог посылать свои тексты Гедройцу и, как Стефан Киселевский к примеру, годами функционировать под псевдонимом. Так что и этот Рубикон можно было перейти.

— Я не перешел. Кстати сказать, сам Киселевский горячо меня убеждал этого не делать.

— *А чем он аргументировал?*

— Твердил, что меня доконают. Говорил, чтобы книгу, которая для меня важна, я писал сам для себя и рассчитывал на то, что когда-нибудь она будет напечатана. Был у нас на эту тему разговор в СПАТиФе. Крутился там и Витольд Филлер. Киселевский сказал: «Если вы издадите книгу в „Культуре», вот этот самый Филлер, который сейчас к нам тут пытается подольститься, вас первый и задушит. Будьте осторожны!»

Я считал, что нужно попросту писать хорошо и то, о чем думаешь. В результате нет у меня такого фельетона, пьесы или рассказа, которых я сегодня мог бы стыдиться. Писал такие тексты, что пропускали, и такие, что не пропускали. Постоянно испытывал границу: что еще можно сказать, а чего — уже нет.

Тогда мне страшно хотелось заниматься кино, а это как раз в подполье было бы совершенно невозможно. Если бы меня взяли «на заметку», то запрет был бы уже на все. Вместе с Мареком Пивовским мы написали несколько сценариев, которые не прошли. Один из них был польской версией «Easy rider'a», второй назывался «Я в политику не вмешиваюсь» и был, разумеется, о политике. Под разными названиями мы его подсовывали и на телевидение, и в кино, но он везде застревал. Но повторяю: я не жалуюсь на цензуру, потому что пару вещей мне все-таки удалось напечатать. «Мощь крушится» вышла уже в самиздате.

— *А как вы потеряли расположение Вильгельми? Он ведь считал вас своим любимцем. Что произошло? Я где-то читал, что это случилось, когда вы начали ему приносить свои сценарии. Что же в них такого было?*

— Он просто прочитал то, что я написал, и понял, что заблуждался на мой счет. Кроме того, пока он был главным редактором [варшавской] «Культуры», он мог позволить себе разные фокусы. Но когда он стал шефом кинематографии, это был уже другой разговор. Испугался просто. А может, я начал писать саркастичнее? Не знаю, трудно сказать. Короче, он решил, что забавам с Янушем Гловацким конец.

— *Я прекрасно помню Вильгельми и его абсолютный цинизм. Не верится, чтобы он мог чего-либо бояться. Я помню такие его заявления в прямом эфире, что просто челюсть отвисала от*



*изумления. Он мог позволить себе очень многое. Во всяком случае, не стряпал идеологической баланды.*

— В книге «Из головы» я описал, как однажды пошел к Вильгельми вместе с Вайдой. Я тогда принес ему сценарий под названием «Матч», вроде как о футболе, но очень метафорический. Вайда только что снял «Землю обетованную» и находился в зените славы и таланта, тем временем Вильгельми разговаривал с ним так: «Анджей, вы ведь неглухой человек. Вы должны понимать, что кино — это никакое не искусство. Вы это и сами прекрасно знаете. Рильке, Элиот, Селин — это, конечно... но кино?!» Это было неслыханно. Вайда сидел с выпученными глазами.

*— А что с этим вашим сценарием, из-за которого вы пришли?*

— Вильгельми его не пропустил. Позже он сказал мне: «Ну и что ты себе, Янушек, нафантазировал? Что ты будешь первому секретарю ЦК грозить пальцем перед носом?» И таким образом пути наши должны были разойтись неотвратимо. Не знаю, может, раньше ему хотелось показать, как он либерален и как далеко простирается его могущество в культуре? А потом ему уже не нужно было ничего показывать — стало быть, начал разделять и властвовать. И превратился в фараона. Он был на самом деле грозен. Цензуру можно было облапошить, объехать на кривой, его — никогда. Он был для этого слишком умен.

*— Так зачем же он так проталкивался к партийной кормушке? Чтобы растаптывать других? А может, чтобы самому не нужно было уже ни перед кем заискивать?*

— Он был загипнотизирован властью и карьерой. Безумно завидовал Раковскому, что тот был заместителем члена ЦК, а вот ему партия никогда до конца не доверяла — именно потому, что был умен. Чувствовали, что ему нельзя до конца верить из-за его цинизма; чувствовали, что он играет. Мне страшно жаль, что Вильгельми погиб в авиакатастрофе. Очень любопытно, что бы с ним происходило теперь и как бы он себя повел в новых условиях. Опубликуй он мемуары, это был бы необычайно интересный документ.

*— А что бы вы сказали, если бы оказалось, например, что он видел себя таким Валленродом? Так ведь, в конечном итоге, представляют себя сегодня и Кищак, и Ярузельский. Так себя изображает и чуть ли не вся литературная братия, хотя известно, кто что писал.*

— (Со вздохом) Меня уже ничто не удивит.

— Это должно удивлять. Меня вот все время удивляет, как можно «отмотать» время назад и так перекроить свою биографию. Деятели коммунистического истеблишмента страдают потерей памяти. Но вот вопрос: это и впрямь склероз или они до такой степени циничны?

— Натура человеческая так богата, что мы способны полностью стереть из памяти определенные фрагменты своей жизни. Забываем о вещах, которых стыдимся. Думаю, что О. Дж. Симпсону удалось убедить себя, что он не убивал своей жены и не раскромсал ее любовника на куски. Не знаю, известна ли эта история в Польше... Глядя его выступления по телевидению, я был совершенно уверен, что ему удалось все это изгладить из своей памяти.

Вот и множеству людей в Польше удалось начисто забыть о своем прошлом. Помню писателей, по чьим конъюнктурным книжкам я учился в школе, а позже они стали беззаветными борцами за свободу и демократию. Широта человеческой натуры... И величие... Может, сам Господь Бог, со своим неслыханным великодушием, как-то тут замешан.

— Бог пусть будет великодушным, но могут ли люди себе это позволить? Что вы думаете об обнародовании документов Института национальной памяти, касающихся писателей? На основании исследований, проводимых, в частности, [немецким] Институтом Гаука, можно заключить, что масса людей искусства сотрудничала с секретными службами.

— Это грустно и паскудно. Но ведь известно, что правда о том времени чудовищно сложна. Людей запугивали, шантажировали. Подозреваю, что мало кто доносил добровольно. Вы считаете, что стоит сейчас во всем этом копаться? Может, через несколько десятков лет, когда все умрут... Рассекречивание архивов открывает дорогу гнусным злоупотреблениям и, вместо того чтобы быть орудием справедливости, становится частью политических игр, средством шантажа и т.д. К тому же я не уверен, что надо относиться к рапортам гэбэшников как к Евангелию.

— Но ведь когда это касается писателей, это не служит никаким политическим играм, а только истории литературы. Вы полагаете, что имеет смысл ее ретушировать?

— Вы ученый, вам и решать. Меня это не особенно интересует. Я все это уже знаю или догадываюсь.

— Большинство ваших собратьев по перу вынесло из пээнэровского периода психологические травмы или хотя бы убеждение, что у них украли часть жизни. А вам как-то удалось простить прошлому. Вы даже о цензуре рассказываете с юмором.

— Не хочу жаловаться на цензуру, потому что все этим занимаются и это нудно. Несколько хороших вещей я напечатал, несколько — не напечатал. Когда не удавалось что-то издать или снять фильм, тоску топили в алкоголе, если позволите так поэтически выразиться.

— Что ж, я слышу, однако, легкую сентиментальную нотку, сожаление что ли... По коммунизму вы не тоскуете, тогда по чему? По сумасбродной молодости? По атмосфере абсурда — хорошей подкормки для искусства?

— Страна свободна, и я этому очень рад, но, увы, сегодня редко вы встретите полицейского, который спросит вас шепотом: «Товарищ писатель, а Бог есть?»

— (Недоверчиво) Вы действительно видели такого полицейского?

— Конечно.

— И что вы ему ответили?

— Что, разумеется, есть.

— И это было выражением вашей подлинной веры?

— Абсолютно неподлинной веры.

— (Подумав, неуверенно) Хм-м... Я ведь допытываюсь неспроста. Я пролистал массу интервью с вами и заметил, что ни одного журналиста не интересовало ваше мнение на такие темы, как вера, любовь, Бог, смерть...

— Стойте, минуточку! Вера, любовь и смерть в одном интервью? Да тут тем на несколько книг! Что до любви, то я к этому чувству отношусь с подозрением. Хотя если такое множество людей о ней говорит хорошо, то что-то в этом, возможно, есть. А о Боге поговорим в другой раз, уж больно это серьезный вопрос.

— Не спорю, хотя мне всегда как-то не по себе, если писатель избегает разговора о метафизике. В конце концов, это ведь важный вопрос для литературы. Тем более для великой литературы.

— Знаете, настоящий метафизический опыт у меня был, когда я поехал с экскурсией в Большой Каньон и наблюдал эту невероятную американскую природу. Я где-то писал о другом важном опыте, каким для меня была поездка в Новый Орлеан, где поставили «Охоту на тараканов». Там в те времена проповедовал один знаменитый священник, действительно мудрый и талантливый человек. Он пришел на спектакль, а потом пригласил меня и режиссера-англичанку на литургию. Это была традиционная новоорлеанская литургия, молились за одного негритянского мальчика, инвалида, которому крокодил отгрыз ноги. Священник говорил мальчишке, что Бог его избрал. Выделил из остальных. Что Он мог его забрать, но так направил случай, что крокодил его только покалечил. Мальчик плакал и был печален, но потом вся церковь запела, и он вместе со всеми. Произошла какая-то совершенно метафизическая вещь. Коллективный экстаз, а сквозь витражи внутрь просачивается кровавый закат... Моя спутница-англичанка, видя все это, сказала, что теперь понимает, почему лондонские церкви пустуют. Под конец священник сказал прекрасную вещь: «Тут с нами есть человек, который приехал из Польши. Возможно, никто из вас не знает, где находится Польша. И вряд ли кто-нибудь из вас когда-либо поедет туда. Но это не имеет ни малейшего значения, потому что Бог везде тот же». (С некоторым колебанием) Мое отношение к Богу и религии для меня самого не вполне ясно, поэтому я говорю об этом с трудом. Я бы предпочел, если позволите, эти свои сомнения оставить при себе.

— *Понятно. Хотя я не уверен в правильности такой политики. Ведь и вправду обращает на себя внимание то, что во всех интервью, рецензиях и статьях к вам приросла маска такого человека, с которым можно говорить исключительно о материях легких, приятных и необременительных. Например, о пьянствующей богемной молодежи или о жизни высшего общества. А тем временем это совсем не так. Несколько минут назад мы разговаривали о вашей матери, о Косинском. Эти мотивы есть в вашей книге. Так почему же журналисты и критики не касаются более серьезных тем в вашем творчестве? Взять хотя бы трагическую тему в «Антигоне в Нью-Йорке» и других текстах.*

— (Импульсивно) А что я могу поделать?!... Разве «Замарашка» — это о богемной молодежи? А «Последний сторож», а «Стрекотание», а «Мощь крушится», а «Рапорт Пилата» или «Рейс»? Просто руки опускаются. Это все о варшавской золотой молодежи? А Россия? А Америка? А нищета, отчаяние и страх? Но вернемся к нашему разговору о рецензентах и критиках.

*— Может, начни вы больше разговаривать с журналистами на вечные темы, это бы что-то изменило. Среди ваших любимых писателей — Достоевский, а он-то как раз живо откликался на религиозные вопросы. Даже когда говорил, что если Бога нет, то и отцу в морду можно. В чем он вам созвучен?*

— Среди моих многочисленных мэтров есть глубоко верующие, есть совершенно неверующие. Ничего, я с этим справляюсь. Отчасти касаюсь этих вопросов в «Антигоне в Нью-Йорке». Во времена Софокла, как известно, Антигона должна была выбирать между законом божеским и законом человеческим. Сегодня на небе так облачно, что Бога не видно, а человеческий закон заменен порядком, охраняемым полицией. Мы предоставлены собственному нравственному инстинкту, сами должны ориентироваться и делать свой выбор.

Знаете, для меня это вещи безумно интересные, которых я часто не понимаю. Когда случилась трагедия Международного торгового центра, нью-йоркского кардинала спросили, повлиял ли как-то на его веру тот факт, что погибли тысячи невинных людей, среди них женщины, дети... Он ответил, что нет, что он по-прежнему верит: Бог милосерден и сострадателен, — достаточно увидеть толпы людей, приходящих в церковь и молящихся, в том числе семьи погибших. Я думаю, что в моих книжках много метафизики, только я брезгую морализированием.

*— А как вы относитесь к предназначению? Считаете ли вы свою судьбу полностью себе подвластной, или все происходит независимо от вашей воли?*

— Снова вопрос, на который трудно ответить. Собственно, на эту тему у меня много сомнений и об этом я пытаюсь писать. Зингер сказал, что изменить адрес — значит изменить предназначение. Не знаю, должно ли было произойти все, что со мной произошло, или все это лишь игра случая. Может, именно в случайности моей судьбы и содержится какой-то высший смысл. То есть в совершенном отсутствии смысла. Хаос. Мешанина. Скитание. Блуждание по жизни, по городам и весям.

*— Читая вашу последнюю книгу, я смеялся, хотя в ней, помимо презабавных фрагментов, есть и сильные ноты горечи. Последнее время мне редко случается смеяться за чтением польских книг, ну разве что читая Ежи Пильха. Что за странная болезнь у польской литературы — она совершенно несмешная...*

— Не знаю, я ведь не читаю всего, что пишется сейчас в Польше. Боюсь, что у нас в почете серьезный, резонерский тон. Надутых моралистов у нас возносят на пьедестал. Может, это наследство позитивизма, после лет рабства и оккупации, когда важно было писать для поддержки национального духа? Как вы считаете?

— *Признаюсь, меня не убеждают концепции деструктивного влияния нашей печальной истории, истории бедствий и неудач, на культуру. У чехов тоже были Белая Гора, оккупация и коммунизм, однако они умеют смеяться.*

— (Задумчиво) Я из кумовства пытаюсь как-то оправдать эту нашу литературу. По-моему, ее смертельная серьезность (за некоторыми исключениями — Пильх опять же или, вы будете удивлены, Мысливский) — это одна из причин, по которым польскую литературу не знают в мире. Мы живем в сумасшедшую, гротескную эпоху, и смех должен быть с нами. Мы ведь с вами актеры и одновременно жертвы в каком-то фарсе. Или драме? Трагикомедии? Так это я ощущаю и потому пишу так, как пишу. Комедия смешивается с трагедией. Это известный факт, что нет ничего смешнее несчастья. Особенно для людей, которые наблюдают его со стороны. Я считаю, что ирония — лучший способ высказаться о проблемах важных и трагических. Я стараюсь рассмешить, чтобы затронуть. Может, это вопрос моего характера? Греки утверждали, что характер — это предназначение.

*Беседу вел Станислав Бересь.*

*Текст авторизован. Подгот. к печати*

*Магдалена Блендовская,*

*Станислав Бересь.*

*Октябрь 2004 — июнь 2005.*

## ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В 1962 году, вернувшись из Москвы, Виктор Ворошильский поделился с друзьями открытием — привез стихи молодого, необыкновенно талантливого поэта. Таких открытий было в те годы много: один из моих тогдашних друзей, студент-астроном, ставший впоследствии дипломатом, притащил отпечатанные на машинке стихи Геннадия Айги и во время вечерних встреч читал их нам наизусть.

Поэтом, которого открыл Ворошильский, был Иосиф Бродский. Одно из его стихотворений, «Большую элегию Джону Донну», перевел тогда мой отец, поэт Витольд Вирпша, другие стихи — Виктор. Возможно, эту инициативу подхватил и еще кто-то — не помню. Достаточно сказать, что каким-то чудом дело кончилось публикацией, и это была, пожалуй, первая официальная публикация лирики Бродского между Эльбой и Камчаткой. Потом воцарилась тишина. Она должна была воцариться, ибо, как известно, автор не был особым любимцем советской власти. Однако стихи проникали в Польшу, и в конце 70-х в самиздате вышла большая их подборка в переводе Станислава Баранчака, который, кроме того, написал об авторе отличное эссе.

До Нобелевской премии было еще далеко, хотя все знали, что имеют дело с одним из самых выдающихся современных поэтов. Время шло. Бродский и Баранчак встретились в эмиграции в США. Между тем в Париже Барбара Торунчик, некогда редактировавшая варшавский подпольный журнал «Запис», основала ежеквартальник «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), в редакции которого, помимо поляков (в т.ч. Баранчака), оказались также писатели-выходцы из советского блока — чех Петер Краль, Томас Венцлова и Иосиф Бродский.

Такой состав редколлегии был неслучаен, ибо журнал отличался и продолжает отличаться от других прежде всего сосредоточенностью на культуре Центральной Европы и взаимных связях населяющих ее сообществ. Одной из важнейших публикаций, посвященных этой проблематике, было эссе Милана Кундеры «Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы», в котором чешский писатель стремился

определить особый характер этого пространства, ставшего местом столкновения и смешения двух влияний — с запада и с востока континента. Эссе вызвало живую полемику, которая вылилась в продолжающийся по сей день цикл публикаций под общим названием «Срединная Европа».

К этому циклу, несомненно, следует отнести и блок материалов «Представления», напечатанный в последнем (№92) номере журнала. В него входит несколько стихотворений Марины Цветаевой в переводе Збигнева Дмитроца, «Пиета» Райнера Марии Рильке в переводе Адама Поморского и «Магдалина» Бориса Пастернака (1 я часть в переводе Поморского, а 2 я — Юзефа Вачкува). Стихи сопровождаются двумя текстами Бродского. Первый — это эссе «Примечание к комментарию», в котором автор виртуозно анализирует взаимозависимость перечисленных стихотворений и опровергает тезис о том, что Пастернак был свободен от влияния остальных поэтов. «Боязнь влияния, боязнь зависимости — это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся — преемственность, вся — эхо», — подчеркивает Бродский. Второй текст — это подборка высказываний Бродского о Цветаевой, озаглавленная «Трагическое «нет» Цветаевой». Завершают блок фрагменты дневника Георгия Эфрона и очерк Эвы Беньковской «Психея и система». Беньковская пишет:

«Ее судьба была ужасна. Но, читая о ее жизни, необходимо помнить и о других поэтах, особенно о Мандельштаме. Эти две биографии имеют символическое значение, ибо они оставили отпечаток на времени, след, который не сотрется, — творчество. Из наследия Цветаевой и Мандельштама русские дети — и русисты всего мира — будут узнавать, какими были десятилетия после октябрьской революции. Мученичество Мандельштама и Цветаевой принадлежит истории, которая не дожидалась, пока ее запишут историки, — она писала себя сама. Так было со многими русскими писателями: они знали, что их страдания должны дойти до других, войти в архивы человечества. Это сознавал Солженицын, когда собирался писать свои книги; это сознавал Пастернак, когда брался за «Доктора Живаго». Не было этого чувства лишь у Марины Цветаевой — она не снизошла до этого, в согласии с девизом, который она избрала своим кличем: «Ne daigne». История ее не волновала. Другое дело — легенды давних времен. Она избрала себе Наполеона в родственные души, а Вандею — в страны-побратимы из-за героизма, который они воплощали. Возможно, она не заметила бы обоих переворотов 1917 года, если бы тогда не решилась судьба ее мужа, а значит, и ее самой, и ее детей. Единственные идейные стихи, вышедшие из-под ее



пера, посвящены Белой армии, так как в ее рядах сражался Сергей Эфрон.

В записках и письмах Цветаевой поражает ее невосприимчивость к истории, к коллективному времени и даже времени собственной жизни. Кто хочет сделать первый шаг в ее мир, прежде чем узнает его в более полном варианте, может прочитать книгу, изданную во Франции Цветаном Тодоровым. Из наследия, опубликованного в России, философ выбрал обширные фрагменты писем и записок (дневников), составив из них биографию поэтессы. Заглавие «Жить в огне» — это ее слова. Подзаголовок «Исповедь», по-моему, неудачен, так как доминирует здесь вовсе не исповедная нота. Читатель, поначалу относящийся с недоверием к манипуляциям, которые неизбежно случаются в любой подборке, читает книгу в напряжении, со все возрастающим чувством ужаса (...)

Характерно, что одна из величайших поэтесс русского языка в сущности не знала страны, которая ее раздавила. После революции она прожила там неполные четыре года — в хаосе и голоде Москвы того времени, — а затем уехала в 1922 году знаменитым берлинским поездом, когда власти избавлялись от людей непокорных, видимо признанных негодными к перевоспитанию. Затем она возвращается летом 1939 го и кончает жизнь самоубийством 31 августа 1941 года, в невообразимой для нее — и для нас — «Татарской республике». Советскую Россию она знает лишь по рассказам эмигрантов, чьих политических страстей не понимает. На все переезды она решается ради мужа, белого офицера, который из-за внутреннего надлома и тоски по родине стал агентом НКВД. Оба они пройдут путь через ад, который станет финалом его решения».

Далее Беньковская делится замечательными по своей красноречивости наблюдениями: «Можно сказать, что для русских писателей той эпохи историческая Россия, ее прежняя форма, погибшая в 1917 году, существует как некая телесность. Это видно в стихотворениях Набокова, рассказах Бунина. Новая Россия — та, настоящая, — стала телесностью романов Пастернака, стихов Ахматовой, не говоря уже о книгах Солженицына или Шаламова... Для Цветаевой же, похоже, родина сосредоточена в языке. Поэтесса не признает ностальгии, ибо то, что ей необходимо, что говорит о ее связи с родиной лучше чувств, у нее всегда с собой. Ее «внеродинность» может кормиться из другого источника там, где есть условия для расцвета Психеи: природа, которой можно быть созвучной, сеть любви, которая ее опутывает (...) «Родина-язык»

подтверждается здесь как выбор личный, а значит, неочевидный (...)

Вероятно, присущий ей сильно синкопированный ритм стиха, знаменитая сжатость, головокружительные эллипсисы могли возникнуть только по-русски. Ими управляло ее дыхание — сразу узнаваемое дыхание на родном языке, которое одновременно было рваным, запыхавшимся от бега и широким. Это было так, словно в огромном пейзаже из тумана тут и там выступают вершины и деревья, пока весь ход стиха не открывает целиком непривычный нам вид (...) Язык Психеи не мог служить Цветаевой для практического изъяснения. Но ведь должны же существовать сообщества, позволяющие таким говорливым немым жить и лепетать на их неземном языке».

И еще один фрагмент эссе Беньковской: «Равного себе она нашла в Рильке. И действительно, их переписка напоминала какой-то совет богов над крышей мира. Для Марины Рильке был географом неба и топографом души — так же, как и она, подошедшая к божественному ближе, чем все богословы вместе взятые. Она относилась к этой дружбе ревниво, хотела быть единственной представительницей России, играющей значительную роль в воображении Райнера Марии. Она властно исключила из сложившегося треугольника Пастернака, которому была обязана первым письмом Рильке, настаивала на свидании, не понимая, что немецкий поэт уже умирает. Что вышло бы из встречи сдержанного, опасливого поэта с поэтессой, так отличавшейся от него темпераментом и привычками? Оба они были от этого избавлены. Лишились этой встречи и мы — как и других легендарных встреч, которые могли бы состояться, но не состоялись. Через несколько дней после известия о смерти поэта Марина написала ему стихотворение в форме новогоднего поздравления. Целые полчища исследователей Рильке не сумели бы дать столь меткую характеристику его творчеству».

В описываемом номере «Зешитов литерацких» обращают на себя внимание еще два текста: очерк Эвы Зажицкой-Берард «ОПОЯЗ и петербургская традиция литературной дружбы» и эссе Адама Кожуховского «Лишние люди в лишнем городе» — о судьбе петербургской интеллигенции в 20 е годы XX века. В последнем номере журнала это всё, однако достаточно заглянуть в его архив (а сделать это, несомненно, стоит, ибо «Зешиты» не стареют, хотя и нервируют некоторых своим «академическим высокомерием»), чтобы найти другие материалы, связанные с Россией, — взять хотя бы прекрасно составленный номер, посвященный Петербургу. Номер этот

был моим бесценным проводником во время двухдневного пребывания в этом городе.

Петербург — это еще и город Бродского, которому приложение к газете «Жечпосполита» «Плюс-минус» (2006, №4) посвятило немало места в связи с 10 летием со дня его смерти. Два стихотворения — Адама Загаевского и Анджея Стасюка, в которых поэты прощаются с автором «Петербургского диптиха», представляют собой часть готовящегося к выходу в краковском издательстве «Знак» сборника стихов Бродского, дополненного подборкой прощальных стихов польских поэтов; помимо уже упомянутых, это Рышард Крыницкий, Павел Марцинкевич, Юлия Хартвиг, а также ирландец Шеймас Хини в переводе Станислава Баранчака.

В «Плюс-минусе» стихи сопровождаются обширной статьей Эльжбеты Савицкой «Зима надо мной». Автор пишет: «Я познакомилась с ним (...) в октябре 1990 года благодаря Чеславу Милошу, который пригласил Бродского в Краков (...) Актовый зал Ягеллонского университета был заполнен до краев. Встреча двух нобелевских лауреатов привлекла настоящие толпы. Милош с самого начала отодвинулся в тень, сказав, что не будет читать свои стихи. Бродский, одетый в светло-сиреневую рубашку и вельветовый костюм цвета замшелого камня, вышел на кафедру (...) Теперь ему 50 лет, у него довольно большая лысина, обрамленная венчиком светлых волос, и пронзительные голубые глаза. Кожа бледная, прозрачная — понятно, почему: два инфаркта, две операции на открытом сердце. Он читает стихи по памяти, не заглядывает в книгу (...) Голос, который рвется из человека к небесам. Он устал, но заслушавшийся зал не хочет его отпускать, поэтому он говорит дальше. Напоследок он читает стихотворение «Из забывших меня можно составить город». Милош читает польские переводы Станислава Баранчака — ритмично, но на англосаксонский манер, сдержанно. Впечатление такое, будто он читает совсем другие стихи».

Я могу себе это представить. Я слышал Бродского в Берлине, уже после Нобелевской премии, и не забуду его полунапевного речитатива. Потом мы немного поговорили — может, когда-нибудь я об этом напишу. Пока же передаю слово Савицкой. Встреча уже закончилась, Бродский обедает в гостинице:

«Кто-то принес ему подарок — набор старых открыток из Петербурга. Теоретически поэта должны тронуть виды родного города, но ничего подобного не происходит (...) Бродский не проявляет к открыткам никакого интереса. Пожалуй, дело действительно обстоит так, как он сказал немецкой

журналистке сразу после получения Нобелевской премии: «Родина? Я уже совсем об этом не думаю. Я покинул свой родной дом и стал кочевником. Переселяюсь с места на место — где-то задерживаюсь подольше, откуда-то уезжаю быстрее. Я испытываю отвращение к мелодраматизму, связанному со словом «изгнание». Я все время в движении и никогда не чувствовал себя изгнанником — я просто живу за границей»».

И еще одна встреча: «Июнь 1993 года. Торжественное присвоение Бродскому степени почетного доктора Силезского университета (...) Поэта приветствовали толпы. Загипнотизированная публика хотела слушать его без конца (...) Сразу же после обеда мы должны идти на встречу в театр (...) Внезапно я замечаю Бродского — он уже перед гостиницей, снаружи (...) Сцена как из немого фильма. Какой-то пожилой фоторепортер в немодном пиджаке фотографирует его — ставит лицом к свету, велит поворачиваться в профиль и анфас. Поэт безропотно выполняет все приказы, позирует, делает «приятное выражение лица». Невероятно! При виде выходящего из гостиницы общества он говорит, немного смутившись, словно оправдываясь: «Это из-за отца. Он напомнил мне моего отца»».

И заключительная сцена: «Он уже собрал вещи — впереди был переезд в Варшаву. И тут он озабоченно спросил меня, что ему делать со знаками докторского достоинства, которые никак не помещаются в багаж. Я посоветовала ему как-нибудь упихать мантию: она мягкая, приятная на ощупь — можно сделать из нее халат. «Халат у меня уже есть, из Оксфорда», — лишь махнул рукой многократный почетный доктор. Он повысил на меня голос, когда я высказала мнение (не мое, а Тарковского), что русские непригодны к жизни в эмиграции. «Ерунда, чушь! Такие обобщения — это полный бред! Подобный образ мышления, использование массовых категорий — это наследие тоталитаризма. Я себе такого никогда не позволяю! Все люди разные. Одни способны жить в эмиграции, а другие нет»».

А вообще говоря, что означает сегодня эмиграция? Изгнание? Как известно, все мы изгнанники. Из рая.

# ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Уже в 14-й раз в Польше прошла акция «Большой оркестр рождественской помощи». В этом году оркестр собирал деньги на закупку оборудования, спасающего жизнь детям, а также на курсы оказания первой помощи. Сбор средств шел в Польше и во всем мире — в частности, в Дублине, Эдинбурге, Берлине, Стокгольме и среди польских солдат в Ираке. Волонтеры вышли на улицы городов США, Канады и Египта. Главный концерт прошел в воскресенье 8 января на площади Дефилад (Парадов), откуда в 20.00 в небо ударил луч света — символ мира, солидарности и жертвенности. Создатель оркестра и вдохновитель всех его инициатив Юрек Овсяк снова торжествовал, невзирая на громы и молнии, которые обрушивает на него радио «Мария».

• В январе редакция журнала «Политика», как всегда, присудила свои премии, именуемые «Паспортами «Политики»». «Паспорта» вручают самым многообещающим молодым деятелям искусства, но таким, которые уже чего-то достигли. В этом году «паспорта» получили: в области литературы Марек Краевский — «за цикл романов об Эбергарде Моке из Бреслау, которые показали, что польский автор может написать детектив на высоком уровне»; в области кино Пшемислав Войцешек — «за оригинальные фильмы, ставшие манифестом поколения тридцатилетних, которые ищут себе место в нашей действительности»; в области театра Ян Клята — «за смелое и новаторское прочтение классики, за страсть и упорство, с которыми он ставит диагноз польской действительности и исследует силу национальных мифов»; в области визуального искусства Роберт Кусьмировский — «за созданные с размахом произведения, которые вновь ставят вопрос об эффективности иллюзии в искусстве»; в области серьезной музыки Рафал Блехач — «за выдающийся талант пианиста, подкрепленный добросовестным трудом, за умение направлять собственное развитие, а также за скромность и душевность»; в области популярной музыки группа «Скальпель» — «за оригинальное сочетание джаза и электроники, за свободное и творческое преодоление границ музыкальных стилей».

• Варшавская выставка «Неизвестная Бознанская» — это по сути дела первый в столице персональный вернисаж художницы (1865–1940). В экспозицию входят более ста картин — большинство из них предоставили частные коллекционеры. «Большую часть жизни Бознанская провела за границей. Там остались и ее произведения. После войны у нас не было к ним доступа по политическим причинам. К счастью, их скупали польские коллекционеры. Часть наследия художницы до сих пор остается в руках частных коллекционеров», — говорит директор галереи искусств «Захента» Агнешка Моравинская. Бознанская — выдающийся мастер психологического портрета.

• В анкете, распространенной по случаю 50 летия со дня издания первой польской джазовой пластинки, лучшим польским джазовым музыкантом был признан умерший в 1969 г. в возрасте 38 лет Кшиштоф Коменда. Следующие места заняли: Томаш Станько, Збигнев Намысловский, Ян «Пташин» Врублевский и Збигнев Зейферд.

• Премьера «Воццека» Альбана Берга в постановке Кшиштофа Варликовского в варшавском Большом театре — Национальной опере стала крупным театральным событием. «Спектакль Варликовского — это горький урок, не оставляющий равнодушным никого, — пишет Яцек Хаврылюк. — Спектакль тонет в полумраке, в черноте. Цвета закреплены за персонажами (...) «Воцтек» Варликовского — это насквозь современная пьеса». Постановка Варликовского — далеко не первая положительно оцененная премьера в возродившемся под новым художественным руководством варшавском Большом театре, а планы дуэта Трелинский — Корд поражают своим размахом и обещают вывести наконец Большой театр из провинциального застоя. Между тем связанный с прежней властью генеральный директор почувствовал себя неуютно и... как в старые добрые времена создал свой собственный Совет театра, в котором программу должны оценивать избираемые члены, в том числе представители профсоюзов и гардеробщики. В театре поднялась настоящая буря. О разрешении спора обе стороны попросили министерство культуры.

• Министерство культуры и национального наследия назначило уполномоченного по делам программы «Патриотизм будущего». «Чем больше патриотов, тем больших успехов достигнет государство, тем больше будет молодежи, остающейся в Польше, а не уезжающей в поисках работы, — говорит недавно назначенный уполномоченный Марек Мутор. — Когда поляк думает о патриотизме, ему сразу приходят в

голову баррикады и жертвы (...) Мы хотим изменить это и найти ответ на вопрос: что такое любовь к родине сейчас, когда сражаться за нее уже не надо? Мы хотим, чтобы патриотизм вошел в канон добродетелей».

• Подводя итоги прошлогоднего театрального сезона, Роман Павловский пишет: «Уходящий год принес целую серию нападков на новый, ищущий театр (...) Общей чертой всех этих нападков было использование нравственных, финансовых и организационных поводов для подавления творчества (...) Всевозможные политические деятели местного значения проявили свое невежество, обскурантизм и непонимание искусства». Может быть, именно поэтому Кристиан Люпа, крестный отец современного польского постановочного театра, в очередной раз создал выдающийся спектакль за границей, поставив в Бостоне «Три сестры» Чехова. Об этом спектакле пишет Петр Грущинский: «Дело не в Москве. Дело вообще не в каком-то другом мире, другом городе, другой жизни. Любая жизнь будет адом и мучением, пока мы не отважимся быть искренними с самими собой (...) Длительный процесс узнавания себя может быть спасением. А для зрителя спасением от отчаяния будет спокойная красота этого спектакля».

• Международный театральный фестиваль «Диалог» прошел в конце прошлого года во Вроцлаве под девизом: «Театр — отражение тревог Европы». «Однако самые волнующие спектакли рождались под влиянием творческих тревог, на пути деконструкции литературных мифов и попыток открыть экзистенциальную правду, — написала Анна Бужинская. — Сами режиссеры признавались, что они не верят в театр, способный изменить образ мышления и судьбу общества. Поэтому свои спектакли они обращают к отдельным людям, чьи ожидания и язык им хорошо известны». Лучшими спектаклями фестиваля были признаны чеховский «Дядя Ваня» в постановке Люка Персеваля из Антверпена и «Заратустра» Кристиана Люпы, поставленный в краковском Старом театре. Размышляя о спектакле Люпы, Иоанна Деркачев написала: «Проблема пророка, который приходит к людям с откровением и терпит полное поражение, — это также проблема самого театра. Может ли театр провозглашать т.н. объективную истину, чему-то учить, к чему-то призывать? (...) Такая возможность существует. Театр может быть отличным индикатором опасений и разочарований общества. Хотя он может и вводить в заблуждение, и манипулировать».

- Русский кинорежиссер Андрей Кончаловский, снимающий фильмы также в США, поставил в варшавском театре «На воле» шекспировского «Короля Лира». Спектакль стал бенефисом Даниэля Ольбрыхского, одного из популярнейших польских актеров, который ролью Лира отмечает свое 60 летие. Об этом спектакле мы еще будем писать, а пока что представим мнение Андрея Кончаловского, которого в связи со спектаклем часто беспокоили польские журналисты. Когда его упорно просили рассказать о «славянской душе», он сказал: «Конечно, у славян есть нечто общее, но между поляками и русскими гораздо больше различий, нежели сходств. Раньше говорили о железном занавесе, отделявшем соцстраны от всей остальной Европы. Но такой занавес всегда существовал между Польшей и Россией, и он никуда не денется. Это вопрос культуры и религии».

- Андрей Кончаловский был также гостем лодзинского фестиваля операторского искусства «Camerimage», где директор Марек Жидович вручил ему «Золотую лягушку» за творчество в целом. Фестиваль, прошедший уже в 13 й раз (а в Лодзи — в шестой), приобретает ранг самого серьезного в Польше международного кинособытия. В главном конкурсе операторы борются за «Золотую лягушку», а в сопутствующем ему конкурсе киноэтюдov победителям присуждаются «головастики». Помимо Кончаловского звездами фестиваля в этом году были Иржи Менцель и Вал Килмер, а председателем жюри был оператор Аффонсо Беато («Живая плоть» и «Все о моей матери» Педро Альмадовара). «Золотую лягушку» получил венгерский оператор Дьюла Падoш за съемки фильма «Без судьбы» по роману нобелевского лауреата Имре Кертеса.

- Впервые врученную в этом году премию им. Збигнева Цыбульского, которую журнал «Кино» решил присуждать молодым актерам, получила Майя Осташевская за роль в фильме «Перемены» и Мартин Дороцинский за роль в фильме «PitBull». Зрители признали самым многообещающим молодым актером Бориса Шица («Симметрия»).

- В Ченстохове на 63 м году жизни умер Марек Перепечко, снискавший себе популярность ролью гуральского разбойника Яносика в телесериале Ежи Пассендорфера. Перепечко сыграл также Нововейского в фильме «Пан Володыёвский» и множество ролей в приключенческих фильмах.

- Подводя итоги 2005 года в кино, Тадеуш Соболевский пишет: «В мире идет брожение. Это видно и в кино. Беженцы, война в Ираке, угроза терроризма, напряженные отношения между Европой и Америкой, движения антиглобалистов, юношеское



желание улучшить мир, поиски не скомпрометировавших себя идей, религий, корней — все это вызывает заметный в западном кино интерес к истории (...) Мы живем вдалеке от вопросов, волнующих Запад. Наша хата с краю. Хорошо, конечно, что на нас никто не нападал, что у нас нет колониального комплекса вины, что мы сами не развязываем войн. Но при этом мы живем словно с атрофированной памятью, в нравственном сне. Мы не пытаемся изгонять своих собственных демонов, исповедоваться в своих собственных грехах, разоблачать свои собственные исторические мифы».

- Новый директор нового Польского института киноискусства Иоанна Охорович обещает деньги на дебюты, говорит о возвращении памяти, о необходимости исторического кино и об обращении к национальной мифологии. Она уже объявила о планируемых съемках фильмов о Монте-Кассино и Варшавском восстании. «Однако, — пишет все тот же Соболевский, — в пробивании этих исторических тем есть что-то механическое. Ведь дело не только в том, чтобы показывать, как все было, но и в том, чтобы задаваться вопросом, что эти события значат для нас сегодня». Вокруг института уже начались споры. Главный вопрос заключается в том, насколько он будет поддерживать экспериментальное, дебютантское, трудное кино, а насколько — кино «для людей».

- Новая ситуация возникла и в существующем уже несколько лет Институте книги. Смена директора и планы перевести институт из Кракова в Варшаву вызвали недовольство литературной среды. Новый директор Магдалена Слюсарская определяет свою программу так: «С моей точки зрения, нет ничего важнее, чем научить молодежь, молодых поляков культуре чтения и удовольствию, которое можно от него получать. То есть, попросту говоря, спасти их от функциональной безграмотности. А требования государства и обязанности, которые налагает на нас национальное наследие, заставляют нас инвестировать в польского писателя и польского читателя на польской почве».

- На первое место в списке бестселлеров вышла «Лягушка» — 16-й том саги Малгожаты Мусерович о семье Борейко. Как пишет Анджей Ростоцкий, это «необыкновенно терапевтическая книга». Книги цикла пользуются неизменным успехом, в связи с чем власти Познани, куда Мусерович поселила своих героев, решили воспользоваться этой популярностью. В специально выкупленной квартире героев «Ежикиады» они создали камерный музей, а по городу проложили туристический маршрут. Кроме того, городские власти поддерживают

многочисленные клубы любителей цикла. Второе место занял новый сборник стихов Виславы Шимборской «Двоеочие». Далее идут исторический роман Вальдемара Лысяка «Последняя когорта», «Операция Талос» Богуслава Волошанского и «По дороге в Бабадаг» Анджея Стасюка. В категории документальной литературы лидируют книги «Покушение. По следам убийц генерала Сикорского» Тадеуша А. Киселевского, «Горькая слава. Польша и ее судьба в 1918–1939 годах» Ричарда М. Ватта, а также воспоминания знаменитого польского вратаря Ежи Дудека «Поверить в себя».

- Следует отметить издание IV тома собрания сочинений Александра Вата, в котором опубликованы письма к друзьям и знакомым — в том числе к Чеславу Милошу и Ежи Гедройцу.
- В своей книге «Некрополь» Марек Новаковский рассказывает о литературной жизни в ПНР. Это своеобразный путеводитель по Варшаве — правда, по местам, которых уже практически нет, или же они настолько изменились, что это теряет какое-либо значение. Нет в живых и многих людей, о которых пишет Новаковский. Сегодняшняя Варшава для него — одно большое кладбище. «Это замкнутый круг полутрупов, участвующих в хороводе литературной жизни, который уготовало своим писателям государство и который они сами себе придумали (...) Новаковскому удалось написать книгу-предостережение», — пишет критик. Это предостережение тем, кто видимость литературной жизни принимает за ее суть, как порой случается и самому автору.

## ДВА ПОЛЬСКИХ РОМАНА

попали в «десятку лучших» «Иностранной литературы»

В журнале «Иностранная литература» (2005, №12) опубликован список «Наш top-ten: десять лучших переводных книг 2005 года. (Выбор главного редактора)». Среди этих десяти книг есть романы Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» в переводе Ирины Лаппо и Анджея Стасюка «Девять» в переводе Марины Курганской. Вдобавок Ирина Лаппо вошла в число лауреатов журнала за 2005 год: за перевод романа Дороты Масловской ей вручен почетный диплом критики зоИЛ.

Обосновывая свой выбор, главный редактор пишет:

«Польско-русская война — это сюрреалистическая аллегория упертого национального самосознания, ехиднейшая карикатура на всякую ксенофобию. Во всем виноваты русские,

поэтому коренная польская раса ведет с ними войну. Мир героев Масловской напоминает наркотические глюки. В этом мире нет никаких ценностей, есть только бесчисленные идеологии и пустота пресыщения. (...)

Анджей Стасюк — один из лучших и наиболее популярных писателей современной Польши — уже известен российскому читателю экзистенциальным триллером «Белый ворон». И вот впервые на русском — его новый роман «Девять».

Герой «Девяти», частный предприниматель недавней эпохи первичного накопления капитала, всеми правдами и неправдами пытается вернуть крупный долг. Он ищет денег у старых друзей и бывших жен, у случайных знакомых и «крестного отца» местного значения. Поиски эти оборачиваются трагикомическим путешествием по кругам современного ада с бандитами и сутенерами в роли бесов...»

НГ